

The background of the entire page is a photograph. The upper portion shows a man with light brown hair and a light beard, wearing a bright green sweater, embracing a woman with long, wavy blonde hair. The woman has a serious expression. The lower portion of the image shows a two-story suburban house with a grey roof, white trim, and a porch, surrounded by green lawns and trees.

Сьюзен Элизабет
ФИЛЛИПС

Ну разве она не милашка?

*Любовь – единственная причина,
по которой я согласилась
на эту авантюру.*

Просто любовь

Сьюзен Филлипс

Ну разве она не милашка?

«АСТ»

2004

Филлипс С. Э.

Ну разве она не милашка? / С. Э. Филлипс — «АСТ»,
2004 — (Просто любовь)

Эту девчонку ненавидел весь городок... Она разбивала юношеские сердца, ссорила подружек и многим испортила жизнь. Когда она уехала, городок вздохнул спокойно. И вот теперь – пятнадцать лет спустя – она вернулась! Бывшая лучшая подруга мечтает о мести... Ревнивая соперница плетет интриги... А брошенный поклонник, ныне ставший самым богатым и преуспевающим человеком в городке, – чего хочет он? Это – самое интересное!

© Филлипс С. Э., 2004

© АСТ, 2004

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	26
Глава 4	35
Глава 5	46
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Филлипс Сьюзен Элизабет

Ну разве она не милашка?

Роман

Глава 1

*– Боюсь, – призналась Пен, – что я не слишком благо нравна. Тетя говорит, что мое воспитание оставляет желать лучшего.
Джорджетт Хейер. «Коринфянин»*

Паршивая овца, необузданный отпрыск городка Парриш, штат Миссисипи, вернулась в город, который некогда оставила навсегда.

Шугар Бет¹ Кэри отвернулась от залитого дождем лобового стекла и уставилась на отвратительного пса, лежавшего рядом с ней на пассажирском сиденье.

– Знаю, Гордон, о чем ты думаешь, так что давай не стесняйся, можешь высказаться. Размышляешь, как низко пали сильные мира сего? – Шугар Бет горько рассмеялась. – Ну и иди на хрен. Только... – Глаза снова защипало, и она поспешно сморгнула непрошенные слезы. – Просто... иди на хрен.

Гордон поднял голову и презрительно ухмыльнулся. Он явно считал ее швалью.

– Только не я, приятель.

Этот день в конце февраля выдался таким холодным, что она вздрогнула и поспешила включить обогреватель своего древнего «вольво».

– Гриффин и Дидди Кэри правили этим городом, а я была их принцессой. Девчонкой, вполне способной поставить весь мир на уши, – объявила она. И тут же услышала воображаемый взрыв смеха чистокровного бассета.

И ничего не скажешь: она, Шугар Бет, бывшая принцесса, теперь так же потрепана жизнью, как ряд домиков под крышами из оцинкованного железа, мимо которых сейчас проезжала. Длинные светлые волосы, ниспадавшие локонами на плечи, уже не блестели так ярко, как когда-то, а крошечные золотые сердечки в ушах больше не отплясывали задорный танец. Пухлые губки давно потеряли способность изгибаться в кокетливой улыбке, а румяные кукольные щечки лишились своей первозданной невинности еще три мужа назад.

Правда, густые ресницы по-прежнему обрамляли изумительно чистые голубые глаза, но тончайшая паутина морщинок уже начала рисовать гусиные лапки в уголках. Тогда, пятнадцатью годами раньше, лучше ее в Паррише не одевалась ни одна девушка, но теперь у высоких сапог с тонкими шпильками протерлась подошва, а вязаное алое облегающее платье со скромным высоким воротом и юбкой, далеко не столь скромной длины, куплено не в дорогом бутике, а в магазине дешевых товаров.

Парриш начал свое существование в восемьсот двадцатом году как хлопковый городок северо-восточной части Миссисипи, а позже избежал факелов поджигавшей без разбора дома всех южан оккупационной армии Союза, поскольку женское население коварно обрушило на парней в синих мундирах такую силу неувядающего очарования и неутомимого южного гостеприимства, что ни у кого не хватило совести чиркнуть первой спичкой. Шугар Бет была прямым потомком тех женщин, но в дни, подобные этому, не слишком хотелось об этом вспоминать.

---

¹ Шугар Бет – сладкая Бет (англ.), типичное прозвище девочек-южанок. – Здесь и далее примеч. пер.

Подъезжая к Шорти-Смит-роуд, она включила «дворники» и всмотрелась в двухэтажное здание, стоявшее на окраине города, пустое и тихое в этот воскресный вечер. Благодаря финансовым вливаниям и беззастенчивому давлению ее отца на городские власти средняя школа города Парриш до сих пор считалась одним из немногих успешных экспериментов по десегрегированному бесплатному обучению в сердце «глубокого Юга». Когда-то она полновластно царила в этих коридорах. Решала, кому сидеть за лучшим столиком в кафетерии, кому из мальчишек следует назначать свидания и можно ли носить сумочку под Гуччи, если твой отец не Гриффин Кэри и ты не можешь позволить себе оригинал. Божественная блондинка, она безраздельно правила всей школой.

И хотя не всегда бывала милостивым диктатором, ее власть редко оспаривалась. Даже учителями. Один из них попытался было... но Шугар Бет быстро поставила его на место. Что же до Уинни Дэвис... сколько шансов было у неуклюжей, застенчивой деревенщины против силы и могущества Шугар Бет Кэри?

Глядя сквозь февральскую морось на обшарпанное здание, она вдруг словно услышала музыку, любимые когда-то мелодии: «INXS», «Майами саунд машин», Принц... В те дни, когда Элтон Джон пел «Свечу на ветру», он пел о Мэрилин.

Средняя школа. Последний раз, когда она владела всем миром.

Гордон пукнул.

– Господи, как я ненавижу тебя, паршивый пес!

Пренебрежительная гримаса Гордона лучше всяких слов говорила, что ему наплевать. Впрочем, теперь и ей тоже.

Она проверила счетчик топлива. Бак почти пуст, но не хотелось без крайней необходимости тратить деньги. К тому же, если во всем искать светлую сторону, кому нужен бензин, когда конец дороги вот он, рядом?

Шугар Бет свернула за угол и увидела пустой участок, отмечавший место, где когда-то стоял дом Райана. Райан Галантайн. Ее Кен. Шугар Бет Кэри. Его Барби. Самый популярный мальчик. Самая популярная девочка. Любовь до гроба.

Она разбила его сердце на первом же курсе «Старого Миса»², когда трахнулась с Дарреном Тарпом, звездой-спортсменом, ставшим ее первым мужем.

Шугар Бет вспомнила, с каким видом Уинни Дэвис поглядывала на Райана, когда воображала, что никто не видит. Можно подумать, у нескладной простушки, общего посмешища, парии был хоть малейший шанс завоевать очаровашку Райана Галантайна. Кружок подружек Шугар Бет, называвших себя «Сивиллы», буквально в штанишки писали, надрываясь от смеха у нее за спиной!

Воспоминание еще больше расстроило Шугар Бет.

Приближаясь к центру города, она заметила, что Парриш сумел по достоинству использовать новоявленную славу места действия и главного персонажа документального бестселлера «Последний полустанок на границе с нигде». Новое экскурсионное бюро сумело привлечь стабильный поток туристов, и вообще город просто расцвел. Тротуар перед пресвитерианской церковью больше не пестрел выбоинами, а уродливые уличные фонари, при которых она выросла, сменились новыми, стилизованными под конец девятнадцатого века. Исторические дома на Тайлер-стрит, относящиеся еще к середине девятнадцатого столетия, в викторианском и греческо-ренессансном стиле гордились свежевыкрашенными фасадами, а купол псевдоитальянского уродства мисс Юлейли Бейкер украшал новехонький медный флюгер. Шугар Бет и Райан обжимались в переулке за этим домом в ночь перед той, когда дошли до конца.

Шугар Бет свернула на Бродвей, главную улицу города длиной в целых четыре квартала. Стрелки часов на здании суда, прежде замершие на десяти минутах одиннадцатого, теперь

---

² Имеется в виду Миссисипский университет. Расположен в г. Юниверсити.

возобновили свой бег по кругу, а фонтан в парке сбросил многолетние наслоения сажи. Банк вместе с полудюжиной других административных зданий приобрел навесы в бордово-зеленую полоску, а флага конфедерации нигде не было видно.

На Вэлли она свернула налево и проехала еще квартал до старого заброшенного железнодорожного вокзала. До начала восьмидесятых здесь раз в день проезжал Миссисипи-Сентрал. В отличие от других строений в деловой части города вокзал нуждался в капитальном ремонте и тщательной уборке.

Совсем как она.

Больше откладывать не было терпения, поэтому она направилась к Мокингберд-лейн и дому, известному как Френчменз-Брайд³.

Хотя Френчменз-Брайд не относился к историческим домам, все же считался лучшим в городе: со своими взметенными к небу колоннами, широкими верандами и изящными эркерами. Чудесный и весьма удачный синтез стилей плантатора-южанина и королевы Анны, дом стоял на невысоком пригорке, в глубине улицы в окружении магнолий, азалий, багрянника и кустов кизила. Именно здесь и выросла Шугар Бет.

И как все исторические дома на Тайлер-стрит, этот тоже был ухожен. На ставнях блеснул слой черной краски, а фрамуга над дверью светилась отраженным светом люстры в передней.

Шугар Бет давно вычеркнула из жизни город и его новости, если не считать отрывочных сплетен, время от времени передаваемых тетей Таллулой, поэтому понятия не имела, кто купил дом. Впрочем, все к лучшему. У нее и без того в избытке есть кого ненавидеть начиная с себя самой. Да, будем справедливыми, в списке личных врагов ее имя стоит первым.

Френчменз-Брайд был одним из трех домов на Мокингберд-лейн. Она уже миновала первый, двухэтажное здание в романтическом французском колониальном стиле. Хозяев этого дома она знала. Но ее целью был третий дом. Принадлежавший тете Таллуле.

Гордон пошевелился и сонно вздохнул. Пес был редким негодяем, но ее покойный муж Эммет любил его, поэтому Шугар Бет считала своим долгом оставить Гордона у себя, пока не сможет найти ему новых хозяев. Однако ей явно не везло. Не было такого дурака, который польстился бы на бассета с необратимым изменением личности.

Дождь полил еще сильнее, и она, кажется, заблудилась. Пропустила заросшую сорняками подъездную дорожку, выходящую по другую сторону высокой живой изгороди, образовавшей естественную восточную границу усадьбы Френчменз-Брайд. Щебень давно смыло ливнями, и изношенные амортизаторы «вольво» протестовали против рытвин.

Каретный сарай выглядел еще более убого, чем она помнила, но поросший мхом кирпич со следами былой побелки, двойной фронтон и острая покатая крыша придавали ему некое сказочное очарование. Выстроенный в то же время, что и Френчменз-Брайд, он никогда не принимал в своих стенах ничего хотя бы отдаленно напоминавшего карету, но ее бабушка считала слово «гараж» вульгарным. В конце пятидесятых строение отремонтировали и приспособили под жилище тети Таллулы. Тут она и провела остаток жизни, а после смерти завещала Шугар Бет в числе другой собственности. Воистину тонкая месть, ибо тетя Таллула никогда не одобряла поступки племянницы.

«Я знаю, Шугар Бет, ты вовсе не хотела быть тщеславной и эгоистичной, благослови тебя Господь. Уверена, что когда-нибудь ты вырастешь и поймешь, как это нехорошо».

Тетя Таллула считала, что может сколько угодно оскорблять племянницу, если при этом просит Господа благословить ее.

Шугар Бет перегнулась через сиденье и открыла дверцу для Гордона.

– Ну же, приятель, давай беги.

---

³ Невеста француза (англ.).

Пес не любил мочить лапы, о чем свидетельствовал красноречивый взгляд, призывающий хозяйку внести его внутрь.

– Угу, вот только шнурки поглажу.

Он оскалил зубы.

Шугар Бет схватила сумочку, пакет с остатками самой дешевой собачьей еды, которую только смогла найти, и упаковку с шестью банками коки. Вещи в багажнике подождут, пока дождь не кончится.

Она вышла из машины и пошла к дому, энергично ступая безупречно длинными ногами и не обращая внимания на то, что короткая юбка задралась едва не до пояса.

Гордон, когда хотел, перебирал ногами с редким проворством и сейчас молнией взлетел по ступенькам маленького крыльца, обогнав хозяйку. Зеленая с золотом табличка, прибитая к стене сорок лет назад работником тети Таллулы, гласила:

ЛЕТОМ 1954 ГОДА ЗДЕСЬ ЖИЛ И ТВОРИЛ

ЛИНКОЛЬН ЭШ, ВЕЛИЧАЙШИЙ ХУДОЖНИК-АБСТРАКЦИОНИСТ АМЕРИКИ

И не только творил, но и оставил Таллуле один из своих драгоценных шедевров, который теперь принадлежал ее племяннице, Шугар Бет Кэри Тарп Загурски Хупер. Картину, которую Шугар Бет следовало найти как можно скорее.

Она выбрала ключ из связки, присланной адвокатом Таллулы, отперла дверь и вошла. На нее немедленно обрушились запахи из мира тетки: мази «Бен гей», плесени, салата с курицей и недовольства. Гордону оказалось достаточно одного взгляда, чтобы забыть о мокрых лапах и снова выскочить на крыльцо.

Шугар Бет поставила на пол свертки и осмотрелась.

Жилое пространство было до отказа заполнено уютным кошмаром семейных реликвий: пыльные стулья в стиле шератон, столы с поцарапанными ножками в виде львиных лап и шаров, письменный стол эпохи королевы Анны и вешалка для шляп из гнутой древесины, украшенная паутиной. На буфете красного дерева стояли часы Сета Томаса вместе с парочкой уродливых мопсов из китайского фарфора и серебряным сундучком с потемневшей табличкой, благодарившей Таллулу Кэри за многолетнюю преданную службу «дочерям конфедерации».

В обстановке явно не существовало какого-то единого дизайнерского замысла. Старинный восточный ковер состязался по степени изношенности с выцветшей ситцевой обивкой дивана с цветочным узором. Зеленая кожаная, изрядно потертая оттоманка мало гармонировала с пожелтевшим тюлем занавесок. Все же цвета, рисунки, приглушенные временем и старостью, достигли некоей усталой гармонии.

Шугар Бет подошла к буфету и, смахнув паутину, открыла серебряный сундучок. Внутри оказалось двенадцать столовых приборов работы Горэма Шантильи. Сколько Шугар Бет себя помнила, каждые два месяца, обычно по средам, тетя Таллула вынимала отсюда чайные ложечки для приема членов канаста-клуба. Интересно, сколько сейчас могут стоять двенадцать серебряных приборов работы Шантильи?

Вряд ли этого хватит. Ей нужна картина.

Ужасно хотелось писать, желудок сводило от голода, но ей не терпелось добраться до студии.

Дождь не унимался, поэтому она схватила потрепанный старый бежевый свитер, оставленный Таллулой у дверей, накинула на плечи и нырнула на крыльцо. Через дырку в подошве

сочилась дождевая вода, но она упрямо шагала по камням дорожки, огибавшей дом и ведущей в гараж. Старомодные деревянные двери обвисли на петлях. Кое-как повернув ключ в замке, она толкала их плечом, пока не развела в стороны.

Студия осталась точно такой, как ее помнила Шугар Бет. Когда каретный сарай переделали под дом старой девы, Таллула не позволила плотникам уничтожить эту часть старого гаража, где Линкольн Эш когда-то устроил студию. Она довольствовалась меньшей гостиной и узкой кухонькой, оставив здесь все в музейной неприкосновенности. На грубо сколоченных деревянных полках все еще стояли банки с высохшей краской, в которую Эш пятьдесят лет назад окунал кисти, создавая свои шедевры. И поскольку два узких окна пропускали минимум света, он работал с открытыми дверями, кладя холсты на пол. Когда-то тетка прикрывала забрызганный красками половик толстым пластиком, ставшим теперь непрозрачным от грязи, мертвых насекомых и пыли, так что непосвященным было трудно различить, что там, внизу. С краю стояла лестница, тоже веснушчатая от краски и закутанная в полиэтилен. Рядом примостился верстак, на котором в живописном беспорядке были разбросаны ящик для инструментов, целая коллекция древних кистей, ножей, шпателей, словно Эш только сейчас на минутку вышел покурить. Шугар Бет, конечно, не ожидала, что ее вздорная тетка оставит картину у самой двери, но все же это было бы неплохо.

Она подавила вздох. Завтра с утра придется первым делом начать поиски.

Гордон покорно побрел за ней в дом. И когда Шугар Бет включила торшер под бахромчатым абажуром, отчаяние, которое грызло ее весь вечер, наконец посмело вцепиться в сердце всеми своими клыками. Пятнадцать лет назад она покинула Парриш в идиотской высокомерной уверенности, что весь мир вертится исключительно вокруг нее. Да и что взять с глупой мстительной девчонки, которая ничего не видит вокруг себя. Но хорошо смеется тот, кто смеется последним. В данном случае последним был мир.

Она медленно подошла к окну и отодвинула пыльную штору. Над высокими кустами живой изгороди виднелись дымовые трубы Френчменз-Брайд. Название осталось от прежней усадьбы. Бабушка Шугар Бет задумала постройку, дед осуществил ее планы, отец модернизировал дом, а Дидди наполнила его своей любовью.

«Когда-нибудь Френчменз-Брайд будет твоим, сладкая детка».

В прежние дни она дала бы волю слезам, сетуя на несправедливость жизни. Теперь же просто опустила штору и отошла, чтобы покормить своего склочного пса.

Владелец Френчменз-Брайд Колин Берн в это время стоял у окна хозяйской спальни на втором этаже. Его внешность на редкость точно передавала мрачную элегантность мужчины из другого, давно прошедшего времени, возможно, даже эпохи Регентства или любой другой, где в ходу были монокли, табакерки и кружевные манжеты. И лицо у него было необычное: длинное, узкое, с острыми скулами и впадинами в виде запятых под ними. Хвостики этих «запятых» переходили в тонкие неулыбающиеся губы. Глубоко посаженные глаза цвета бледного нефрита пронизывали собеседника насквозь. Лицо истинного денди, несколько изнеженное, если бы не нос — длинный, тонкий, можно сказать, аристократический, невероятно уродливый и все же удивительно гармонировавший с остальными чертами.

Фиолетовый бархатный жакет сидел на нем так же естественно, как на ином — спортивная куртка. Костюм дополняли черные шелковые пижамные брюки и домашние туфли с вышитыми на мысках китайскими иероглифами. Одежда безупречно облегла высокую широкоплечую фигуру, но большие рабочие руки с широкими ладонями и толстыми пальцами позволяли предположить, что Колин Берн может быть вовсе не тем, кем кажется на первый взгляд.

При виде вспыхнувшего в каретном сарае света и без того суровая линия рта стала еще жестче. Итак... значит, слухи верны. Шугар Бет вернулась в родные места.

В последний раз они виделись пятнадцать лет назад. Тогда он и сам был почти мальчишкой. Двадцать два, целиком поглощенный собственными переживаниями, экзотическая птица, прилетевшая в маленький южный городок, чтобы писать свой первый роман и... ах да... в свободное время преподавать в школе. Ничего не скажешь, было нечто утешительное в том, чтобы так долго лелеять обиду. Как все дорогие французские вина, она накапливала градусы, вкусовые качества, приобретала оттенки и нюансы, которых быстрое разрешение конфликта просто не допустило бы.

Его губы тронула легкая улыбка. Пятнадцать лет назад он был бессилен против нее. Не то что сейчас.

Он прибыл в Парриш из Англии, чтобы стать учителем в местной средней школе, хотя не имел ни таланта, ни призвания к этой профессии. Но Парриш, как и остальные мелкие городки штата Миссисипи, отчаянно нуждался в преподавателях, и комитет, состоявший из наиболее известных представителей штата, стремившихся показать молодежи другую жизнь и мир во всем его многообразии, связался с английскими университетами, предлагая лучшим выпускникам места в школах вместе с рабочими визами.

Колин, давно интересовавшийся писателями американского Юга, ухватился за такую возможность. Существует ли лучшее место для написания великого романа, чем плодovitая литературная почва Миссисипи, родины Фолкнера, Юдоры Уэлти, Теннесси Уильямса, Ричарда Райта? Он составил пространное резюме, где сильно преувеличил свою любовь к преподаванию, собрал хвалебные рекомендации от нескольких профессоров, приложил двадцать страниц едва начатого романа, рассудив – и, нужно сказать, верно, – что штат со столь впечатляющим литературным наследием наверняка выберет будущего писателя. Месяц спустя из Парриша сообщили, что он принят, и вскоре мечтательный юнец отправился в Миссисипи.

Он влюбился в чертово захолустье с первого взгляда: в гостеприимство и традиции, очарование провинциального городишки. А вот с работой повезло не так: из тяжелой она превратилась в невыносимую. И все благодаря Шугар Бет Кэри.

У Колина не было специального, давно продуманного плана мести. Никакого макиавеллиевского замысла, над разработкой которого он проводил бы месяцы и годы. Он никогда бы не дал ей столько власти над собой. Но это еще не означало, что он готов забыть былые оскорбления. О нет. Он просто выжидал, желая посмотреть, куда занесет его писательское воображение.

Обернувшись на телефонный звонок, он поспешил взять трубку и ответить с резким английским акцентом, который не сумели смягчить годы, проведенные в южной глубинке:

– Берн у телефона.

– Колин. Это Уинни. Я несколько раз пыталась тебе дозвониться.

Он работал над третьей главой новой книги.

– Прости, дорогая. Не успел проверить голосовую почту. Что-то важное?

Он отнес телефон к окну. В каретном сарае снова загорелся свет, на этот раз на втором этаже.

– Мы все собрались на потлак⁴. Парни смотрят заключительный этап «Дейтоны»⁵, а тебя мы не видели целую вечность. Может, придешь? Мы скучаем по вас, мистер Берн.

Уинни обожала дразнить его, напоминая о былых отношениях учителя и ученицы. Они с мужем были его ближайшими друзьями в Паррише, и на какой-то момент он едва не поддавался искушению. Но там, естественно, будут «Сивиллы» и многие другие. Обычно женская болтовня развлекала его, но сегодня он был не в настроении слушать их трескотню.

– Мне нужно еще немного поработать. Пригласи меня в следующий раз, хорошо?

– Конечно.

---

⁴ Обед или ужин, собранный из того, что есть в наличии. Здесь имеется в виду, что каждый приносит еду с собой.

⁵ «Дейтона-500» – знаменитые автогонки, проводимые в городе Дейтона-Бич.

Колин тупо смотрел в пространство, сожалея, что именно ему придется сообщить неприятную новость.

– Уинни... Свет в каретном сарае.

Несколько мгновений молчания растянулись на целую вечность, прежде чем она ответила, глухо, почти неслышно, без всякого выражения:

– Она вернулась.

– Похоже, что так.

Уинни давно уже не была застенчивым подростком, и теперь под мягким южным выговором прорезались стальные нотки:

– Ну что же. Значит, игра начинается.

Уинни вернулась на кухню как раз в тот момент, когда Линн Перкинс захлопнула свой сотовый.

– Ты не поверишь! – выпалила она, возбужденно блестя глазами.

Уинни тяжело вздохнула, подозревая, что все-таки поверит.

Остальные четыре женщины бросили работу и прислушались. Линн имела привычку почти визжать от волнения, что делало ее удивительно похожей на южную Минни Маус.

– Звонила Рене. Помните, она еще в родстве с Ларри Картером, который работает в «Куик-Март» с тех пор, как окончил курс реабилитации? Угадайте, кто платил за коку у кассы пару часов назад?

Пока Линн медлила, нагнетая напряжение, Уинни взяла нож и заставила себя сосредоточиться на разрезании торта Хейди Петтибоун. Рука едва заметно подрагивала.

Линн, не глядя, сунула сотовый в сумочку.

– Шугар Бет вернулась!

Ложка с прорезями, которую мыла Мэрилин Джаспер, со звоном упала в раковину.

– Не может быть!

– Мы знали, что она возвращается, – вмешалась Хейди, негодуя на морщив лоб. – Хватило же наглости!

– О, этого Шугар Бет не занимать, – напомнила Линн.

– Представляю, какие начнутся неприятности, – пробормотала Эми Грэм, теребя золотой крестик на шее. В старших классах средней школы она считалась самой ревностной христианкой: недаром ее выбрали президентом Библейского клуба. У нее все еще сохранилась тенденция при каждом удобном случае обращать окружающих в свою веру, но Эми была настолько порядочным человеком, что все предпочитали смотреть на этот недостаток сквозь пальцы.

Вот и сейчас она поспешно положила ладонь на руку Уинни.

– Ты в порядке?

– В полном.

Линн ахнула и покаянно потупилась.

– Мне не стоило распускать язык! Опять я веду себя как бесчувственное бревно, верно?

– Как всегда, – кивнула Эми. – Но мы все равно тебя любим.

– И Иисуса тоже, – вставила Мэрилин, прежде чем Эми снова впадет в религиозный экстаз.

Хейди расстроено дернула за крошечного серебряного медвежонка – сережку, одну из пары, надетой к красно-голубому свитеру, затканному медведями. Она коллекционировала медведей, и иногда ее заносило.

– Как по-вашему, сколько она тут пробудет?

Линн сунула руку за глубокий вырез, поправляя лямку лифчика. Грудь у нее была что надо. Самая большая в их компании, и она любила выставлять ее напоказ.

– Бьюсь об заклад, не слишком долго. Господи, какими же маленькими стервозами мы были!

В кухне воцарилось молчание. Только у Эми хватило мужества высказать вслух то, о чем думали остальные:

– Но не Уинни.

Потому что Уинни не была одной из них. Она одна не принадлежала к клубу. Забавно... потому что именно сейчас она считалась их лидером.

Идея клуба принадлежала Шугар Бет. Тогда ей было всего одиннадцать. И она сама выбрала название, явившееся к ней во сне, хотя сейчас уже никто не помнил, о чем был тот сон. После чего она объявила, что «Сивиллы» будут закрытым клубом, самым веселым клубом, для избранных, то есть наиболее популярных в школе девочек. При этом подразумевалось, что избирать будет она сама. Нужно сказать, что работа была проделана немалая и неплохая, потому что более чем двадцать лет спустя «Сивиллы» по-прежнему оставались самым веселым клубом в городе.

Сначала их было двенадцать, но потом кое-кто уехал, а Дрима Шепард умерла. Остались только эти четверо, стоявшие сейчас на кухне Уинни. Они и стали ее лучшими по-подругами

В дверь просунулась голова Фила, мужа Хейди. Оглядевшись, он протянул жене пустую электрическую кастрюлю, в которой до этого медленно подогревалась острая смесь томатов с пряностями и плавленым сыром «Велвита» – соус «Ротел», куда так приятно обмакивать хрустящие тортильи: любимое лакомство мужчин, требовавших, чтобы оба блюда непременно ставились на стол перед общим ужином.

– Клинт заставляет нас смотреть гольф, – пожаловался он. – Когда будем есть?

– Скоро. И ты ни за что не угадаешь, что мы сейчас слышали. – Серебряные медвежата в ушах Хейди взволнованно подпрыгнули. – Шугар Бет вернулась.

– Шутишь! Когда?

– Сегодня днем. Линн только что узнала новость.

Фил устался на женщин, ошеломленно тряхнул головой и исчез. Очевидно, решил поделиться сенсацией с остальными мужчинами.

Женщины принялись за работу, и в кухне снова стало тихо. Каждую мучили отнюдь не веселые мысли. Уинни переполняла горечь. В их общем детстве у Шугар Бет было все, чего так недоставало Уинни: красота, популярность, самоуверенность и Райан Галантайн. У Уинни же была только одна вещь, о которой мечтала Шугар Бет. Все же эта самая вещь оказалась единственной решающей и самой важной в жизни.

Эми вынула из одной духовки запеченный окорок и блюдо со знаменитым ямсом «драм-буйе» по рецепту матери. В другой духовке уже была готова вареная кукуруза с чесноком и сыром и запеканка из шпината с артишоками. Просторная кухня Уинни со шкафчиками вишневого дерева теплого окраса и большим пространством для маневра считалась самым подходящим местом для их потлаков. Сегодня они оставили детей с племянницей Эми. Уинни просила посидеть с ними свою дочь, но она как раз переживала все трудности переходного возраста и оказалась на редкость несговорчивой.

Как все истинные южанки, «Сивиллы» одевались друг для друга, а это означало, что первая часть вечера посвящалась обсуждениям сегодняшних нарядов: наследие матерей, которые надевали нейлоновые чулки и туфли на высоких каблуках только для того, чтобы дойти до почтового ящика. Но Уинни не была членом клуба, и, несмотря на все увещевания матери, потребовалось немало лет, чтобы она научилась этому искусству.

Линн поддела пальцем кукурузные зерна с сыром.

– Интересно, а Колин знает?

– Ты дозвонишься до него, Уинни? – спросила Эми. – Мы так увлеклись новостями, что совсем о нем забыли.

– Да, – кивнула Уинни, – но он работает.

– Он всегда работает, – пробурчала Мэрилин, потянувшись за бумажным полотенцем. – Ну чистый янки!

– Помните, как мы его боялись в школе? – засмеялась Линн.

– Только не Шугар Бет, – возразила Эми. – И не Уинни, потому что ходила в любимчиках. Все дружно захихикали.

– Господи, как я его хотела, – призналась Хейди. – Пусть он странноват немного, но, уж конечно, мужик что надо. Особенно сейчас.

Знакомая тема. С возвращения Колина в Парриш прошло пять лет, а они только начали привыкать к тому, что бывший учитель, мужчина, перед которым они когда-то трепетали, стал членом их дружной компании.

– Мы все хотели его. Кроме Уинни.

– Я тоже. Немного, – заверила Уинни, чтобы как-то оправдаться. На самом деле все было не так. Она могла вздыхать над мрачно-романтической отстраненностью Колина, но никогда не мечтала о нем, как другие девочки. Для нее существовал только один человек: Райан. Райан Галантайн, мальчик, любивший Шугар Бет Кэри всем сердцем.

– Куда я дела прихватки?

Уинни раздала подругам прихватки.

– Колин знает, что она вернулась. Видел свет в каретном сарае.

– Интересно, что он будет делать?

Эми положила на блюдо с окороком специальную длинную вилку.

– Я, во всяком случае, не собираюсь с ней разговаривать.

– Еще как собираешься. Если удастся, конечно, – парировала Линн. – И все мы тоже. Потому что умираем от любопытства. Интересно, как она выглядит?

«Как всегда. Самим совершенством. Блондинкой с журнальной обложки», – подумала Уинни, борясь с желанием помчаться к зеркалу. Убедиться, что сама она больше не толстая, неуклюжая Уинни Дэвис. Хотя ее щеки не потеряли детской округлости и она так ничего и не смогла поделаться со своим крошечным, унаследованным от папаши ростом, зато оставалась стройной, как тростинка, благодаря изнурительным упражнениям в тренажерном зале пять раз в неделю. И вообще теперь у нее все как у других женщин – искусно наложенная косметика, подобранные со вкусом украшения, хотя и подороже, чем у подруг, темные блестящие волосы, уложенные в короткую модную прическу: работа лучшего в Мемфисе стилиста. Сегодня на ней были расшитая бисером майка, синие брючки и такие же шлепки. Все новое, модное, красивое, разительно отличающееся от той мешковатой одежды, которую она носила в школе, когда тенью слонялась по коридорам в страхе, что кто-то с ней заговорит.

Только Колин, который тоже был белой вороной, понимал ее и был добр с ней с самого начала. Куда добрее, чем с ее одноклассниками, часто становившимися мишенью для его резких циничных высказываний. И все же девчонки грезили о нем, особенно Хейди с ее страстью к историческим романам. Именно она придумала ему прозвище.

«Он напоминает мне исстрадавшегося молодого герцога в широком черном плаще, который развевается на ветру, и каждый раз в бурю он не находит себе места и мерит шагами стену замка, потому что все еще скорбит о смерти своей прекрасной юной невесты».

С тех пор Колин стал Герцогом, хотя в глаза его никто не смел так назвать. Он был не из тех учителей, кто поощряет подобную фамильярность.

В комнату один за другим стали заглядывать мужчины, влекомые вкусными запахами и желанием узнать реакцию жен на возвращение Шугар Бет. Правда, Мэрилин попыталась их выгнать, но они не обратили на нее внимания, как всегда, когда уж очень хотели есть, поэтому женщины начали свой знакомый танец, перенося еду с кухни к буфету восемнадцатого века, занимавшему целую стену элегантно обставленной столовой Уинни.

– А Колин знает, что Шугар Бет уже здесь? – поинтересовался Дик, муж Мэрилин.

– Именно он и сказал Уинни, – бросила та, сунув ему в руки салатницу.

– А вы, солнышки, еще жалуетесь, что в Паррише никогда ничего не происходит!

Клинт, муж Эми, вырос в Меридиане, но за это время успел узнать все старые истории их детства и настолько ими проникся, что его считали своим. И очень удивлялись, вспоминая, откуда он родом.

Брэд Симмонс, торговавший электроприборами, громко фыркнул. Он был кавалером Линн на сегодняшний вечер. Линн он не слишком-то и нравился, но со времени своего развода она успела «отработать» почти всех достойных женихов в Паррише вместе с несколькими не слишком достойными, но об этом никто не говорил вслух, потому что Линн тяжело воспринимала критику. Имея двух детишек, один из которых был умственно отсталым, и бывшего мужа, вечно задерживавшего алименты, любая нуждается хоть в каких-то развлечениях, и трудно ее в этом упрекнуть.

Последним появился муж Уинни. Он был самым высоким из мужчин, самым стройным и самым красивым, с волосами цвета пшеницы, светло-кариими глазами и почти совершенными чертами лица: недаром Мэрилин не раз твердила ему о необходимости выполнить Господне предназначение и стать штатным донором спермы.

«Сивиллы» были слишком хорошо воспитаны, чтобы бросить свои занятия и допросить его, но искоса поглядывали, как он берет штопор и начинает открывать вино.

Старая незажившая рана вновь открылась в груди Уинни. Они женаты чуть больше тринадцати лет. У них прекрасный ребенок, чудесный дом и почти идеальная жизнь. Почти... потому что, как бы ни старалась Уинни, она всегда будет только запасным вариантом в сердце Райана Галантайна.

После двухдневного сидения на коке и сухом печенье Шугар Бет поняла, что откладывать посещение бакалеи больше просто невозможно. Она подождала до вечера четверга, рассчитав, что «Биг стар» к этому времени опустеет, и поехала в город. Удача ей сопутствовала: она не встретила никого из знакомых, если не считать Пег Дракер за кассой, которая пришла в такое волнение, что дважды просканировала виноградное желе, и Кабби Боумара, успевшего поймать ее, пока Пег складывала покупки в пакеты.

Кабби широко улыбнулся, показав зияющую дыру на месте правого резца:

– Эй, Шугар Бет, ты все такая же шикарная, куколка моя.

Его глаза, беззастенчиво скользнув по ее груди, поползли к переду ловко сидевших на бедрах брюк.

– А у меня теперь свой бизнес. Чистка ковров. Дела идут неплохо. Как насчет пары пива в «Дадли»? Посидим, вспомним былые времена.

– Прости, Кабби. Но я зареклась проводить время с роскошными мужчинами с тех самых пор, как решила стать монахиней.

– Черт, Шугар Бет, да ты ведь даже не католичка!

– Да ну? Вот это сюрприз для моего друга папы римского.

– Ты не католичка Шугар Бет. Просто выделяешься, как всегда.

– А ты все такой же умный, Кабби! Передай привет мамочке!

Выходя из магазина, она старательно отводила глаза от плаката, перед которым застыла по пути сюда.

Уинни и Райан Галантайн

Концерты симфонической музыки

7 марта, воскресенье, 14.00

Вторая баптистская церковь

Благотворительные пожертвования: \$ 5.00

Шугар Бет казалось, что ночь смыкается над ней. Душит. Почти теряя сознание, она направилась к озеру, но, к счастью, сообразила, что не может тратить бензин зря. Поэтому развернулась на Спринг-роуд, недалеко от оконной фабрики Кэри, основанной отцом. Только теперь она называлась ОФК. Трудно представить, что Уинни и Райан дают концерты! Они женаты уже лет двенадцать, не меньше.

Почему ей так больно? Ведь это она, Шугар Бет, его бросила! Со своей типичной самоуверенностью, не позволявшей верно судить о людях, втрескалась в Даррена Тарпа с первого взгляда, забыв о любви до гроба. А теперь Уинни стала одним из инициаторов возрождения города. И заседала в советах большинства городских организаций.

Мимо в противоположном направлении протарахтел фургон Кабби Боумара. Когда-то Кабби с приятелями ночами торчали на газоне перед Френчменз-Брайд, выли на луну и скандировали ее имя:

– Шугар... Шугар... Шугар...

Ее отец обычно спал так крепко, что ничего не слышал, но Дидди вставала с постели и садилась у окна спальни дочери. Курила «Тэритон» и следила за мальчишками.

– Ты станешь женщиной на все времена, солнышко, – шептала она. – На все времена.

– Шугар... Шугар... Шугар...

Женщина на все времена повернула свой потрепанный «вольво» на Мокингберд-лейн и мельком глянула на здание во французском колониальном стиле, бывшее когда-то домом одного из самых известных дантистов города, но теперь принадлежавшее Райану и Уинни. Последние два дня прошли на редкость скверно. Шугар Бет навела некоторый уют в каретном сарае, но так и не смогла напасть на след картины Линкольна Эша, и завтра ей предстояла не менее неприятная перспектива обыска вокзала. Ну почему Таллула не могла завещать ей свои «голубые фишки»⁶ вместо убогого каретного сарая и старого железнодорожного вокзала, который следовало бы снести сто лет назад?

Она добралась до конца Мокингберд-лейн и нажала на тормоза, когда фары «вольво» выхватили нечто такое, чего здесь не было, когда она уезжала: тяжелую цепь, натянутую поперек ухабистой подъездной дорожки. Она отсутствовала не более двух часов. Кто-то весьма оперативно сработал.

---

⁶ Акции крупных устойчивых компаний, имеющих солидную репутацию.

Шугар Бет вышла из машины. Цемент схватился на совесть, и даже пара сильных пинков не смогла пошатнуть столбики, державшие цепь. Очевидно, владельцы Френчменз-Брайд еще не поняли, что ее подъездная дорожка не относится к их собственности.

Настроение, и без того паршивое, стало хуже некуда. Она попыталась убедить себя подождать до утра, прежде чем ввязываться в драку, но прошлый, нелегко давшийся опыт требовал ни в коем случае не откладывать неприятности на завтра, поэтому Шугар Бет решительно зашагала по длинной аллее, ведущей к крыльцу дома, где она родилась и выросла. Даже с завязанными глазами она смогла бы узнать знакомый узор, выложенный кирпичом, то место, где дорога шла под откос и где изгибалась, чтобы обогнуть корни дуба, свалившегося в бурю, когда ей было шестнадцать.

Она приблизилась к передней веранде с четырьмя изящными колоннами. Если провести пальцем по основанию ближайшей, можно нащупать место, где она выцарапала свои инициалы ключом от «эльдорадо»⁷ Дидди.

В доме горел свет. Шугар Бет твердила себе, что легкая тошнота – всего лишь следствие двухдневного голодания, но в глубине души знала правду. Перед тем как ехать за покупками, она пыталась подкрепить былую уверенность в себе тесной ярко-розовой майкой, открывавшей пупок, низко сидевшими классическими джинсами, облегавшими ее длинные ноги, и черными лодочками на каблуках-шпильках, возносивших ее к небу дюймов на пять. Туалет был дополнен имитацией мотоциклетной куртки-косухи и фальшивыми бриллиантами в ушах, размером с горошину, которыми пришлось заменить настоящие, пребывавшие в данный момент в ломбарде. Но к сожалению, сейчас ни о каком подъеме духа не могло быть и речи, и, когда она вступила на крыльцо старого дома, каблучки выстукивали унылую дробь – напоминание о том, что она потеряла.

Шугар Бет Кэри... больше здесь... не живет...

Дверь открылась. На пороге стоял мужчина. Высокий. Надменный. Прошло пятнадцать лет, но она узнала его еще до того, как он заговорил:

– Здравствуй, Шугар Бет.

---

⁷ Одна из дорогих двухдверных моделей машин, выпускаемых отделением «Кадиллак» фирмы «Дженерал моторс».

Глава 2

*– Трясешься? – спросил ненавистный голос. – Если будешь вести себя хорошо, я не побью тебя.
Джорджетт Хейер. «Дьявольское отродье»*

Горло сжалось так, что воздух не проходил в легкие. Шугар Бет с трудом сглотнула и, едва ворочая языком, хрипло прокаркала:

– Мистер Берн.

Тонкие не улыбающиеся губы шевельнулись.

– Совершенно верно. Мистер Берн.

Она пыталась отдышаться. Таллула не говорила, что именно он купил Френчменз-Брайд. Впрочем, тетка передавала только те новости, которые считала нужным сообщать племяннице. Прошли годы. Двадцать два. Столько ему было, когда она покончила с его карьерой. Двадцать два. Почти мальчишка.

В те дни он выглядел так смешно со своей фигурой Ихабода Крейна⁸: слишком высокий, слишком тощий, слишком длинные волосы, слишком большой нос, и все в нем слишком эксцентрично для маленького южного городка – внешность, акцент, мировоззрение. Он всегда одевался в черные поношенные свитеры и брюки. С шеи неизменно свисал шелковый шарф. Их у него было несколько: с бахромой, желто-зеленый, а один такой длинный, что доходил до бедер. И в разговоре использовал такие фразы, как «чертовски ужасно», «не будем портачить», а однажды даже: «Кажется, мы маленько сгупили, верно?»

В первую неделю занятий они увидели, как он курит сигарету в шикарном мундштуке из черепахового панциря. Когда же Берн подслушал, как мальчишки шепчутся, что он, должно быть, гей, окинул их надменным взглядом и объявил, что расценивает это как комплимент, поскольку многие великие мира сего были гомосексуалистами.

«Увы, – добавил он, – я приговорен к пожизненной банальной гетеросексуальности. И могу надеяться только, что некоторым из вас повезет больше».

Это привело к первым жалобам родителей.

Но молодой учитель, каким она его помнила, был только бледной тенью представительного мужчины, стоявшего сейчас перед ней. Берн по-прежнему казался странноватым, однако теперь что-то ее в нем тревожило, но что именно, понять было трудно. Его нескладное тело стало мускулистым и подобранным. И хотя он все так же был строен, костлявым его теперь не назовешь. Да и лицо оформилось, и даже клюв, называемый носом, теперь казался патрицианским.

Шугар Бет издали чувствовала запах денег, и этот запах льнул к нему, как сигаретный дым. Раньше его волосы падали до плеч. Теперь же, оставаясь густыми, были тщательно подстрижены и уложены в обманчиво простую прическу кинозвезд и миллионеров. Трудно сказать, был ли их блеск результатом стараний модных стилистов или крепкого здоровья, но одно она знала точно: таких стрижек в городе Парриш, штат Миссисипи, просто не делают.

На нем были свитер в резинку, так и кричавший «Армани», и черные шерстяные брюки в тонкую золотистую полоску. Ничего не скажешь, Ихабод Крейн не только повзрослел, но и научился одеваться, а затем купил этот дом и превратил в нечто чужое и, наверное, безликое.

Ей редко выпадало смотреть на мужчин снизу вверх, особенно при таких высоких каблуках, но сейчас приходилось задирать голову, чтобы смотреть в те высокомерные нефритовые

---

⁸ Герой рассказа Вашингтона Ирвинга «Легенда о сонной лощине», длинный, тощий чудак – школьный учитель.

глаза, которые она так хорошо помнила. И старая, полузабытая вражда возродилась с новой силой.

– Никто не сказал мне, что вы здесь живете.

– Неужели? Забавно.

Он не потерял своего британского выговора, хотя она знала, как легко можно подделать выговор. Ее собственный, например, мог становиться северным или южным в зависимости от обстоятельств.

– Заходите.

Он отступил, приглашая ее в ее же дом.

Ей хотелось показать ему средний палец и послать к черту. Но бегство было еще одной роскошью, которую она не могла себе позволить, наряду с истериками и тратой последних денег с кредитки. Пренебрежение, затаившееся в уголках его тонких губ, говорило о том, что он прекрасно понимает, как укололо ее его приглашение. Сознание того, что он ожидает ее бегства, придало решимости расправить плечи и переступить порог... Френчменз-Брайд.

Он изуродовал дом. Достаточно было одного взгляда, чтобы это понять. Еще один чудесный старинный южный дом, погубленный чужеземным мародером.

Только округлая форма холла и винтовая лестница на второй этаж остались неизменными, но он уничтожил прелестные романтические постели Дидди, выкрасив скругленные стены в цвет черного кофе, а старые резные дубовые панели – в снежно-белый. Режущая глаз абстрактная картина висела на месте другой, которая когда-то доминировала в этом замкнутом пространстве, – портрета самой Шугар Бет в пятилетнем возрасте в изысканном платье из белых кружев с розовыми лентами, сидевшей у модно обутых ножек красавицы матери. Дидди настояла, чтобы художник пририсовал белого карликового пуделя, хотя у них не было не только пуделя, но и вообще собаки, несмотря на все мольбы Шугар Бет. Но мать заявила, что не допустит, чтобы кто-то в доме лизал при всех свои интимные места.

Потертые деревянные полы сменили белые мраморные плиты с серо-коричневыми полосами. Антикварные сундуки исчезли вместе с позолоченным зеркалом Марии Антуанетты и парой обитых золотой парчой стульев. Большую часть пространства занимал сверкающий черный кабинетный рояль. Кабинетный рояль в холле Френчменз-Брайд... Бабе Шугар Бет с ее авангардными вкусами, возможно, понравилась бы подобная экстравагантность, но Дидди наверняка переворачивается в гробу.

– Ну и ну... – Легкий южный акцент Шугар Бет сменился более ярко выраженным, как всегда, когда она оказывалась в невыгодном положении. – На всех вещах прямо-таки выделяется особый отпечаток. Ваш, разумеется.

– В своем доме я волен делать все, что угодно, – отрезал он с высокомерием дворянина, вынужденного беседовать с судомойкой, но она заслужила такое отношение, и как бы ее ни трясло от одного его вида, пора расставить все точки над *i*. Можно сказать, давно пора.

– Я написала вам письмо с извинениями.

– Да неужели? – обронил он с видом полнейшего равнодушия.

– Оно вернулось. Адресат выбыл.

– Какая жалость.

Он намеревался держать ее в холле до второго пришествия. Да, поделом ей, но она не станет пресмыкаться. Поэтому наскоро избрала компромисс между своим долгом перед ним и обязанностями перед собой.

– Понимаю, слишком поздно, слишком неубедительно. Но какого черта? Раскаяние есть раскаяние.

– Откуда мне знать? Мне не в чем особенно раскаиваться.

– Тогда прислушайтесь к тому, кто пришел и честно попросил прощения. Иногда, мистер Берн, простое «мне очень жаль» – это самое большее, на что способен человек.

– Но иногда и большего недостаточно, не так ли?

Похоже, прощения от него не дождешься, что и неудивительно. В то же время ее извинение не слишком чистосердечно, и поскольку он действительно достоин чистосердечия, моральные принципы требовали, чтобы она вела себя искреннее. Но не здесь. Не стоя в холле как служанка.

– Не возражаете, если я немного огляжусь?

И, не ожидая разрешения, Шугар Бет проплыла мимо него в гостиную.

– Будьте моей гостьей, – протянул он. Каждое слово прямо-таки сочилось сарказмом.

Серо-коричневые стены в тон мраморным вставкам на полу, глубокие кожаные кресла и обтекаемой формы диван были того же самого оттенка, как панели холла. Симметрично расположенная группа из четырех черно-белых фотографий мраморных бюстов висела над каминном, который сильно изменился с тех пор, как Шугар Бет жила здесь. Дубовая каминная доска с подпалинами, оставшимися от тех времен, когда Дидди забывала открывать вытяжку, была заменена новой, массивной, в неоклассическом стиле, с тяжелым карнизом и резным основанием, напоминавшим о греческом храме. Будь она в другом доме, вероятно, полюбовалась бы смелым смешением классики и модерна. Но только не во Френчменз-Брайд.

Обернувшись, она увидела, что он так и стоит в дверях. Осанка и поза выдавали бессознательное высокомерие человека, привыкшего быть хозяином положения. Хотя... он всего на четыре года старше ее. Значит, ему сейчас тридцать семь. Когда он был ее учителем, эти четыре года казались непреодолимой пропастью между ними, но теперь... теперь кажутся просто чепухой.

Она вспомнила, каким романтичным считали его «Сивиллы». Но Шугар Бет отказывалась увлечься тем, кто упрямо противился ее заигрываниям.

Наверное, нужно снова извиниться, и на этот раз как следует. Но мешал его обжигавший презрением взгляд в сочетании с гнусным осквернением родного дома.

– Кто знает, возможно, я сделала вам одолжение. На учительское жалованье всего этого никак не купишь. Кстати, поздравляю с выходом книги.

– Вы читали «Последний полустанок»?

И, как всегда, стоило ему надменно вскинуть элегантно изогнутую бровь, как она немедленно ошетилилась:

– Видит Бог, пыталась. Столько заковыристых слов!

– Ничего страшного. Насколько я помню, вы никогда не любили обременять мозги чем-то сложнее модных журналов.

– Да если бы их никто не читал, чертова уйма баб до сих пор разгуливала бы в клетчатом полиэстере. Подумайте только, что за ужасное зрелище, – выпалила она и тут же картинно распахнула глаза: – Ой! Теперь меня выгонят из класса за сквернословие.

К сожалению, время оказалось бессильно улучшить его чувство юмора.

– Подобные меры никогда на вас не действовали, не так ли, Шугар Бет? Да и ваша матушка никогда бы не допустила подобного.

– Ничего не скажешь, у Дидди всегда было твердое мнение насчет того, что для меня хорошо и что плохо, – согласилась она, наклоняя голову ровно настолько, чтобы он увидел фальшивые бриллиантовые серьги. – Знаете, она не разрешила мне участвовать в конкурсе «Мисс Миссисипи». Заявила, что я наверняка выиграю, а она не позволит никакой своей дочери переступить границу этого вульгарного Атлантик-Сити⁹. Мы даже поссорились, но вы же знаете, какая она была, когда вобьет себе что-то в голову.

– О да, помню.

---

⁹ Город, славящийся игорным бизнесом, где проходят ежегодные конкурсы «Мисс Америка».

Еще бы не помнить. Именно Дидди добила его увольнения. Дополнительная причина сложить оружие и попытаться заключить несколько запоздалый мир.

– Мне очень жаль. Правда. То, что я сделала, было непростительно. – Встретить его взгляд оказалось труднее, чем она представляла, но на этот раз она не отступила. – Я сказала матери, что солгала, но к тому времени вред уже был причинен, и вы уехали из города.

– Странно! Не помню, чтобы мамочка пыталась меня разыскать. Непонятно, как эта умная образованная женщина не сумела набрать номер и признаться, что все прощено, что я не... как это она выразилась... опозорил своей профессии, запятнав добродетель ее невинной дочери.

Судя по тому, как были произнесены последние три слова, он прекрасно знал, чем занимались они с Райаном Галантайном на заднем сиденье его красного «камаро».

– Значит, не пыталась. А у меня не хватило мужества сказать отцу правду.

Однако Гриффин все узнал, когда рылся в бумагах жены через несколько месяцев после ее смерти и нашел письмо, написанное Шугар Бет.

– Нужно признать, папочка постарался исправить несправедливость. Только что не дал объявление в газеты, рассказав всем, как я солгала.

– Но к тому времени прошел почти год, так ведь? Немного поздно. Меня уже изгнали в Англию.

Шугар Бет хотела напомнить, что он сумел вернуться в Штаты: судя по обложке, он теперь американский гражданин, – но это будет выглядеть так, словно она оправдывается.

Он шагнул в комнату и направился к стенке, в которой находился встроенный бар. Бар со спиртным в гостиной Дидди Кэри...

– Хотите выпить?

Эти два слова прозвучали не приглашением гостеприимного хозяина, а вкрадчиво произнесенным началом игры в кошки-мышки.

– Я больше не пью.

– Перевоспитались?

– Черт, нет, конечно. Просто не пью.

Она из кожи вон лезла, стараясь сохранить небрежный вид, но удавалось это с трудом.

Он налил на два пальца янтарной жидкости, выглядевшей как очень дорогое выдержанное виски. Она совсем забыла, какие у него огромные руки. Раньше она твердила всякому, кто хотел слушать, что он самый большой слюнтяй в городе, но даже тогда эти руки мясника обличали ее во лжи. Они по-прежнему, казалось, не принадлежали человеку, декламировавшему наизусть сонеты и иногда связывавшему волосы в хвостик черной бархатной ленточкой.

Однажды вечером их компания высыпала из школы довольно поздно и увидела его на игровой площадке с футбольным мячом. Футбол как-то не привился в Паррише, и школьники никогда не видели ничего подобного. Он перекидывал мяч с одного колена на другое, отбивал бедром, голенью, удерживая на весу так долго, что они потеряли счет времени. А потом повел мяч по полю – бегом, во весь опор – и ни разу не потерял. После того случая мнение мальчишек о нем изменилось, и не прошло и недели, как Колина начали приглашать на баскетбольные матчи.

– Трое мужей, Шугар Бет? – Он сжал хрустальный стакан неповоротливыми пальцами мастерового. – Даже для вас это, пожалуй, чересчур.

– Да, время идет, а кое-что в Паррише так и не меняется. Сплетни по-прежнему любимое занятие в этом городе.

Холодный воздух коснулся живота, когда она сунула руки в карманы черной кожаной куртки и развела борта. Короткая леденцово-розовая майка со словом «ЗВЕРЬ», выложенным блестящими стразами на груди, дюйма на четыре не доходила до пояса брюк. Конечно, она

была немного кричащей, но цену снизили до \$ 5.99, а Шугар Бет вполне могла позволить себе выглядеть вызывающе.

– Буду очень благодарна, если вы уберете цепь с моей подъездной дорожки.

– Неужели вы способны на благодарность? – Он опустился в кресло, не пригласив ее сесть. – Печальная статистика. Не слишком ли много мужей?

– Вы так думаете?

– О, слухи имеют обыкновение быстро распространяться, – протянул он. – Кажется, мужа номер один вы встретили в колледже, не так ли?

– Даррен Тарп. Всеамериканский любимчик, звезда бейсбола. Одно время играл за «Смелых»¹⁰.

Она довольно ловко изобразила рубящий удар томагавком.

– Впечатляюще. – Он поднес к губам стакан, почти утонувший в его ладони, и холодно усмехнулся. – Я слышал, он ушел от вас к другой женщине. Жаль.

– Ее звали Саманта. В отличие от меня она умудрилась окончить колледж. Но Даррена привлекла вовсе не ее степень. Как оказалось, у нее был природный дар к минуте.

Стакан замер на полпути к губам.

Она одарила его ослепительнейшей улыбкой из своего репертуара южной красавицы, той самой, в которой не было ни капли искренности. Немного упражнений, и если бы не стойкое предубеждение матери против Атлантик-Сити, эта улыбка могла бы водрузить на голову Шугар Бет нечто посолиднее, чем корона королевы школьного вечера выпускников.

Но Берн вовсе не собирался позволить ей его обойти.

– И вы отправились в Голливуд с полученными алиментами, не так ли?

– Я заработала каждый доллар.

– Но продюсеры, похоже, не думали осаждать вас предложениями сняться в кино.

– О, как мило с вашей стороны так живо интересоваться моими делами!

– Должно быть, я что-то не так понял. Ваш второй муж был кем-то вроде «Ангела ада»¹¹?

– О, это оказалось бы куда более волнующе, но, боюсь, Сай был просто каскадером. На редкость одаренным. И все шло прекрасно до того самого дня, когда он разбился, пытаясь перепрыгнуть на мотоцикле с пирса Санта-Моники на палубу роскошной яхты. Это был фильм о борьбе смелых копов против контрабанды наркотиков, так что я сказала себе, что он умер за правое дело. Впрочем, не то чтобы я иногда не позволяла себе выкурить косячок. Время от времени.

– Да, вы и в средней школе этим грешили.

– Ошибка, ваша честь. Я думала, это просто табак так странно пахнет.

Он не улыбнулся. Чего и ожидать от этой гранитной физиономии!

Она оставила Сая за несколько месяцев до того фатального трюка. Ничего не скажешь, редкостная способность напарываться на лживых ублюдков! Эммет, правда, был исключением, но в день свадьбы ему исполнилось семьдесят, а возраст – верный спутник мудрости.

– Потом вы как-то пропали из виду, – продолжал он.

– Работала в ресторанном бизнесе. Уж-жасно эксклюзивном.

Она начала как хостесса в приличном лос-анджелесском ресторане, но быстро вылетела за стычку с посетителем. Потом подавала коктейли. Когда же потеряла и эту работу, разносила лазанью в дешевом итальянском ресторанчике, откуда перешла в совсем уж дешевую бургерную. Ниже всего она опустилась в тот день, когда обнаружила, что изучает объявление эскортной службы. Именно тогда она наиболее отчетливо осознала, что ей давно пора стать взрослой и самой нести ответственность за свою жизнь.

---

¹⁰ Бейсбольная команда г. Атланты, штат Джорджия.

¹¹ Банда мотоциклистов, одетых в черные куртки с сатанистской символикой и носившихся по дорогам Америки.

– И тут вы поймали Эммета Хупера.

– И чтобы услышать это, вам даже не понадобились парришские сплетники.

Ее улыбка успешно скрывает каждую каплю боли, до сих пор точившей сердце.

– Ничего не скажешь, газеты были весьма информативны. И крайне занимательны. Двадцативосьмилетней официантке удалось подцепить семидесятилетнего удалившегося от дел техасского миллионера.

Миллионера, инвестиции которого приказали долго жить еще до того, как он заболел. Эммет был ее лучшим другом, любовником и человеком, который помог ей наконец повзрослеть.

Берн отсалютовал ей стаканом и кивнул. Ну просто копия пресыщенной, но ужасно мужественной модели Гуччи.

– Мои соболезнования.

Плотный ком в горле мешал подобрать подобающе остроумный ответ, но она все же справилась.

– Ценю ваше сочувствие, но когда выходишь замуж за человека такого возраста, вроде как знаешь, чем все должно кончиться.

Презрение в этих нефритовых глазах доставило ей ни с чем не сравнимое удовольствие. Все лучше, чем жалость.

Она молча проследила, как он скрещивает длинные ноги движением, исполненным тревожащего сочетания мужской силы и кошачьей грации.

– Когда-то мы прозвали вас Герцогом, – призналась она. – Вы это знали?

– Конечно.

– Мы все думали, что вы гей.

– Вы и теперь так думаете?

– И задавала.

– Так оно и было. Собственно говоря, в этом отношении я ничуть не изменился. И горжусь этим.

Интересно, женат ли он? Если нет, все здешние невесты должны выстраиваться у его двери с кокосовыми тортами и запеканками.

Она отошла к камину и постаралась принять уверенный вид.

– Понимаю, что вы едва штанишки не намочили от смеха, когда протягивали цепь, но не зашла ли шутка слишком далеко?

– О нет, я еще до сих пор веселюсь.

По ее мнению, он вряд ли умел развлекаться, разве что поставил себе целью завоевать Индию. И судя по безупречно чистой одежде, вряд ли он собственными руками проделал грязную работу по установке столбиков в цементе, да еще за такое короткое время.

– Полагаете будет несколько неловко, если я вызову полицию?

– Ничуть. Это моя земля.

– А я считала вас таким авторитетом по знанию парришской жизни. Мой отец подарил каретный сарай моей тетке еще в пятидесятых.

– Дом – да. Но не подъездную дорогу. Она все еще часть основного поместья.

Шугар Бет резко выпрямилась:

– Неправда.

– У меня исключительно знающий адвокат, и он уделяет много внимания таким вещам, как границы собственности. – Он поднялся с кресла. – С радостью покажу вам все планы. И если хотите, пришлю копию.

Неужели отец мог сотворить такую глупость? Ну конечно, мог! Гриффин Кэри был крайне скрупулезным в делах фабрики, но на редкость безалаберным там, где речь шла о доме

и семье. Да и что взять с человека, имевшего семью и любовницу в одном городке, где все про всех знали?!

– Что вам нужно, мистер Берн? Очевидно, не мои извинения, так что можете все выложить прямо.

– Как что? Мщение, конечно. А что еще, по-вашему?

От этих тихо произнесенных слов по спине прошел озноб.

Она едва удержалась от жадного взгляда в сторону стакана с виски, который он только что отставил. Вот уже пять лет как она не пьет и не собирается все начинать сначала.

– Ничего не скажешь, веселая шуточка. Как вам, должно быть, приятно! И где прикажете ставить машину?

– А вот до этого мне нет никакого дела. Может, кто-то из старых друзей согласится вам помочь?

Момент для истерики был идеальный, но она уже успела забыть, как это делается. И подплыла к нему, чуть покачивая бедрами, хотя кости болели, как у столетней старухи.

– По-моему, вы не совсем связно мыслите. Я уже потеряла трех мужей и один комплект родителей, так что если действительно жаждете возмездия, советую придумать нечто помасштабнее, чем какая-то жалкая подъездная дорожка.

– Бьете на жалость?

Тут он прав. Именно так оно и выглядело, и ей захотелось откусить собственный глупый язык. Но она просто повернулась, подняла воротник куртки и направилась к двери.

– Идите на хрен, мистер Берн. И пропади она пропадом, ваша жалость.

Она едва успела сделать три шага, как почувствовала аромат дорогого одеколона. Сердце гулко стукнуло о ребра, когда он схватил ее за руку и повернул к себе.

– Тогда как насчет такого воздаяния?

Его холодное жесткое лицо напоминало физиономию Даррена Тарпа в тот день, когда он избил ее, но на уме у Колина Берна было насилие несколько иного рода. Прежде чем она успела опомниться, его темная голова опустилась, и он завладел ее губами в беспощадном, безжалостном поцелуе.

Поцелуи... Так много поцелуев. Прикосновение гладкой щеки ее обожающей матери. Сухие поджатые губки тети Таллулы. Сочившиеся сексом ласки Райана. Даррен был мужчиной на солнечные дни, да и целовался паршиво. Пьяные слюнявые поцелуи Сая и ее собственные, пропитанные джином. И поцелуи вереницы мужчин, которые она едва помнила, за исключением того, что все они отдавали отчаянием. Спасение пришло в форме поцелуев Эммета, полных доброты, потребности в ней, страха и в самом конце – смирения.

Последний поцелуй она получила от его дочери Дилайлы, которая обхватила ее за шею и оставила влажный след на щеке: «Я люблю тебя больше всего на свете, моя Шугар Бет».

Но такого поцелуя ей еще не доводилось ощущать. Холодного. Расчетливого. Призванного унизить.

Берн не торопился восстановить справедливость. Он сжимал ее подбородок: не больно, но ровно с такой силой, чтобы заставить приоткрыть рот и впустить его язык. Она не отвечала. Не сопротивлялась.

Ему было все равно.

Она не удивилась, когда его рука легла на ее грудь. Потому что ожидала этого.

Очередное клиническое исследование, словно под ее кожей крылось нечто вроде манекена: плоть и кости, без настоящей души.

Он держал ее грудь в широкой ладони, потирая изгиб большим пальцем. И когда задел сосок, жажда обладания пронзила ее. Не желания: она была слишком опустошена для этого, а он был настроен на месть. Не на секс. Она испытывала неутолимый голод по простой доброте: весьма странное чувство для той, которая так неохотно делилась добротой с окружающими.

За время своего брака с каскадером она многое узнала об уличных драках и грязных приемах и подумывала было укусить Берна или ударить коленкой в пах, но не решилась. Это несправедливо. Он заслужил свое возмездие.

Наконец он отстранился, и на Шугар Бет повеяло легким запахом спиртного.

– Вы утверждали, что я схватил вас за грудь и просунул язык в рот. – Взгляд нефритовых глаз полоснул ее как ножом. – Именно эту ложь вы сочинили для матери. Именно так опозорили меня и лишили работы.

– Именно так, – спокойно кивнула она.

Он провел большим пальцем по ее нижней губе. У другого мужчины это означало бы нежность. Для него это был жест завоевателя.

Она действительно раскаивалась, но все, что у нее еще оставалось, – это немного достоинства, и она умрет, прежде чем позволит себе хоть одну слезу.

Он опустил руку.

– Теперь это правда.

Ее источник душевных сил почти пересох, так что пришлось зачерпнуть с самого дна, чтобы найти в себе волю поднять руку и коснуться его щеки.

– Подумать только, что все это время мне было ненавистно чувствовать себя лгуньей. Спасибо, мистер Берна. Вы очистили мою душу.

Колин ощутил холодок ее ладони и вдруг понял, что последнее слово осталось за ней. Он потрясенно моргнул. Эта встреча должна была закончиться его победой! Оба это знали. И все же она пыталась взять верх!

Он тупо уставился на только что измятые им губы. На вкус она была совсем не такой, какой он ожидал... Впрочем, вряд ли он ожидал чего-то, поскольку не планировал свою атаку. И все же подсознательно готовился к коварству, хитрости, мелочности, чудовищному эгоизму, всегда отличавшему Шугар Бет.

Кто прекрасней всех на свете? Я! Я! Я!

И вдруг обнаружил нечто совершенно иное – сильное, решительное и дерзкое. Правда, с последним качеством он был хорошо знаком.

Она опустила руку и ткнула в него указательным пальцем, как дулом пистолета, пустив воображаемую пулю. Правда, перед тем как спустить курок, растянула рот в улыбке опытной куртизанки.

– Надеюсь, еще увидимся, мистер Берна.

И она исчезла.

Он долго стоял не двигаясь. Ее запах – пряностей, секса, упрямства – еще долго держался в воздухе, даже после того, как захлопнулась входная дверь. Омерзительный поцелуй должен был положить этому конец. Но почему-то начал все по новой.

В восемнадцать она была самым прелестным созданием в Паррише. Наблюдая, как она шествует по тротуару к крыльцу парришской школы, он видел воплощенную чувственность: бесконечные ноги, покачивающиеся бедра, подпрыгивающие груди, сияние длинных светлых волос.

У мальчишек глаза на лоб лезли при виде этой красоты, и музыка из их транзисторов становилась саундтреком ее жизни. Билли Оушн умолял ее выйти из снов и сесть в его машину. Бон Джови влюбился с первого взгляда и молил о взаимности. Каттинг Кру был готов умереть сегодня ночью в ее объятиях, Ганс Роуиз, Пойзн, Уайтснейк – их всех удалось ей поставить на колени и заставить умолять о крохах ее благоволения.

И сейчас она была по-прежнему красива. Эти разящие мужчин наповал голубые глаза и идеально симметричные черты лица будут с ней до самой могилы, а облако светлых волос должно бы раскинуться по атласной подушке на развороте «Плейбоя». Исчезла только юная свежесть розы с каплями росы. Она выглядела старше своих тридцати трех. И жестче. Да и

похудела тоже. Он заметил натянутые жилы на стройной шее, а запястья, казалось, вот-вот переломятся. Но от нее по-прежнему шла мощная волна сексапильности. Мало того, теперь она была отточеннее и куда более смертоносной. Пусть роза отцвела, но отравленные шипы оставались на месте.

Он снова взял стакан, задумчиво понюхал содержимое. Их встреча вывела его из равновесия гораздо больше, чем следовало бы.

Оглядывая роскошный дом, на покупку которого ушли все его деньги, он вспоминал злорадную ухмылку своего отца, ирландского каменщика, когда пришлось вернуться в Англию после увольнения: «Бежишь домой, с позором поджав хвост? Поделом тебе и твоей мамаше! Вечно нос драли, и чем все кончилось? Что же, по крайней мере хоть теперь возьмешься за честную работу, как все мы».

И только за одно это Колин никогда не простит Шугар Бет Кэри.

Он залпом выпил, но даже вкус виски десятилетней выдержки не смог стереть непреклонный вызов, блестящий в глазах Шугар Бет. И несмотря на оскорбление, нанесенное поцелуем, она все же была уверена, что взяла верх. Колин отставил стакан и стал размышлять, каким образом лучше всего избавить ее от этого убеждения.

Глава 3

*Я что-то сделала не так? Столько чинных особ уставились на меня с таким видом, словно не могли поверить собственным глазам.
Джорджетт Хейер. «Великолепная Софи»*

Шугар Бет доела чипсы, составлявшие ее завтрак, и обернулась к Гордону, со злобным видом маячившему у двери.

– На твоём месте я бы давно успокоилась. И не моя вина, что Эммет любил меня больше, чем тебя.

Пес поэкспериментировал немного, пробуя принять вид серийного маньяка, но подобные выражения плохо удаются бассетам.

– До чего ты жалко выглядишь.

Гордон оскорбленно фыркнул.

– Ладно, панк, так и быть.

Она поднялась из-за стола и открыла входную дверь. Пробегая мимо, он попытался сбить ее с ног, но Шугар Бет знала все его трюки и вовремя отступила, а затем последовала за ним в очередное холодное, сырое февральское утро. Правда, поскольку это Миссисипи, возможно, на следующей неделе столбик ртути поднимется до тридцати градусов. Надо надеяться, что к тому времени ее уже здесь не будет.

Пока Гордон обнюхивал кусты, она смотрела на Френчменз-Брайд, стараясь не думать о вчерашней встрече с Колином Берном. Что же, она по крайней мере не развалилась, пока не добралась до каретного сарая.

Старая вина липла к ней клейкой паутиной. Ей следовало постараться уладить былую вражду, вместо того чтобы изощряться в остроумии, но, очевидно, ей еще предстоит немало взрослеть и умнеть.

Ну почему из всех людей именно он купил ее дом? Если он когда-нибудь и говорил в интервью, что собирается вернуться в Парриш, она это пропустила. Впрочем, тогда он избегал репортеров как огня и почти не давал интервью. Даже снимок на обложке был не слишком удачным, каким-то серым и зернистым, и она оказалась неготовой к встрече с таким опасным человеком.

Она пробралась к кустам самшита и раздвинула нижние ветки.

– Давай сюда, чертов пес.

На этот раз он мгновенно послушался.

– Дай повод мамочке гордиться тобой, – добавила она.

Гордон снова повел носом. Нашел подходящее местечко посреди газона, где можно было без помех сделать дела.

– Милый песик.

Несмотря на все, что Шугар Бет наговорила Берну, она, как и вся остальная страна, прочла «Последний полустанок на границе с нигде». Как она могла пропустить историю людей, о которых слышала с раннего детства? Черные и белые семьи, богатые и бедные, населявшие Парриш в сороковых и пятидесятых. И среди них ее собственные дедушки и бабушки, Таллула, двоюродный дед Линн и, конечно, Линкольн Эш.

Интерес читателей к документальной прозе, передающей атмосферу Юга Америки, был подогрет мгновенно ставшей бестселлером книгой Джона Берендта «Полночь в саду добра и зла». Но если там шла речь об убийстве и скандале в богатом аристократическом семействе старой Саванны, «Последний полустанок» разрабатывал золотую жилу темы жизни маленького городка. На страницах повести Колина Берна о городке штата Миссисипи, сумевшем

оправиться от сегрегационистского наследия, жили эксцентричные, чудаковатые люди, с которыми происходили маленькие домашние драмы из тех, что так любят читатели. И все это было сдобрено щедрой дозой южного фольклора. Другие писатели пытались делать то же самое, но любовь Берна к городу вместе с беспристрастной наблюдательностью чужака ставила «Последний полустанок» гораздо выше остальной литературы подобного рода.

Она вдруг сообразила, что Гордон трусит к дому, ничуть не уstraшенный его величием.

– Немедленно вернись.

Он, разумеется, проигнорировал ее.

– Я серьезно, Гордон. Мне нужно ехать в город и, если немедленно не вернешься, придется ехать без тебя.

Она не была уверена точно, но, похоже, он показал ей язык.

– Если я пойду за тобой, ты обязательно попробуешь меня цапнуть.

Он никогда не заходил так далеко, чтобы причинить настоящую боль, но очень любил показать, кто здесь главный. И теперь преспокойно поднялся на веранду.

– Прекрасно. Сделай мне одолжение, не трудись приходить домой.

В отличие от других представителей своей породы Гордон не желал бродяжничать. И слишком обожал терзать ее, чтобы пуститься в странствия.

Она потопала к каретному сараю. Что говорить о человеке, если даже собака терпеть ее не может?

Шугар Бет схватила сумочку, напялила старую соломенную ковбойскую шляпу и отправилась обыскивать депо. Но, проходя мимо машины, она обнаружила засунутую за «дворник» штрафную квитанцию за незаконную парковку. Прелестно! Вот только этого не хватало!

Она пожала плечами и продолжила путь. Автомагазин Перли все еще был на прежнем месте, но магазин канцелярских товаров стоял там, где прежде было шляпное ателье «Весенняя фантазия». Дидди водила ее туда каждый год до шестого класса покупать пасхальную шляпку, пока Шугар Бет не взбунтовалась.

Когда Дидди была чем-то недовольна, крылья ее носа трепетали, как крылья бабочки.

– Неблагодарное дитя! Как, по-твоему, наш дорогой Создатель узнает о дне своего воскресения, если увидит тебя в церкви с непокрытой головой, словно язычницу какую-то? Отвечай мне, мисс Шугар Бет!

Шугар Бет в подражание матери гневно раздула ноздри:

– Воображаешь, что Иисус Христос так и останется в могиле, потому что я не надела шляпу?

Дидди рассмеялась и потянулась за сигаретами.

Желание увидеть свою любящую мать, далекую от совершенства, было таким сильным, что даже сердце заболело. Зато к отцу она не испытывала ничего, кроме горечи.

– Он не мой настоящий отец, правда, Дидди? Ты забеременела от кого-то еще, а потом папа женился на тебе.

– Шугар Бет Кэри, немедленно закрой рот. Если твой отец грешник, это не означает, что я следую по его стопам. И больше я не желаю слышать ничего подобного, ясно?

Тот факт, что серебристо-голубые глаза Шугар Бет были словно сняты с отцовского лица, не позволял ей и дальше цепляться за фантазию насчет тайного любовника Дидди.

Вероятно, брак родителей был неизбежен, но более неподходящих друг для друга людей было трудно найти. Дидди была ослепительно прекрасной, беззаботной и веселой дочерью местного владельца магазина. Гриффин был наследником оконной фабрики Кэри. Некрасивый, но наделенный блестящим умом коротышка потерял голову от первой красавицы Парриша, и хотя Дидди втайне презирала того, кого считала «уродливым жабенышем», все же мечтала о том, что может принести ей этот союз.

Гриффин, должно быть, сознавал, что Дидди не отвечает на его чувства так, как ему хотелось бы, но он все равно женился на ней, а потом всю жизнь наказывал за нелюбовь, открыто живя с другой женщиной. Дидди мстила показным безразличием. Однако позже Гриффин поднял ставки в игре, отвернувшись от той, кого Дидди любила больше всего на свете. От их дочери.

Несмотря на взаимную ненависть, они никогда не думали о разводе. Гриффин был экономическим лидером города. Дидди стала социальным и политическим. Никто не хотел лишиться взаимных преимуществ, и тяжелая телега супружеской жизни продолжала катиться дальше, таща за собой сбитую с толку, растерянную девочку, незаметно отравляя ее душу.

Шугар Бет миновала «Макдоналдс», заново отремонтированный и подкрашенный, туристическое агентство с навесом в бордово-зеленую полоску и свернула на Вэлли. Улочка в один квартал, в конце которой стоял заброшенный вокзал, в отличие от многих других почти не изменилась, и Шугар Бет припарковала машину на клочке растрескавшегося асфальта. Оглядывая обшарпанное здание из красного кирпича, она увидела стену, где Колин Берн позировал для расплывчатого фото на обложку.

Местами с крыши облетела черепица, и выцветшие граффити покрывали покоревленную фанеру, которой были заколочены окна. Банки и разбитые бутылки усеяли траву у путей. Почему Таллула считала необходимым сохранить старую развалину? Но тетка была так же одержима историей здешних мест, как и отец Шугар Бет, и, очевидно, не считала нужным сровнять вокзал с землей.

Выйдя из машины, Шугар Бет наскоро пробежала глазами письмо, все это время лежавшее на дне сумочки.

«Дорогая Шугар Бет!

Я оставляю тебе каретный сарай, вокзал и, разумеется, картину, потому что ты моя единственная оставшаяся в живых родственница и, невзирая на твое поведение, свой своему поневоле брат. Понимаю, что вокзал в запустении, но к тому времени, когда я приобрела его, у меня уже не осталось ни энергии, ни денег на ремонт. То обстоятельство, что его довели до такого ужасного состояния, не слишком хорошо характеризует наш город. Уверена, ты пожелаешь немедленно продать его, но сомневаюсь, что сумеешь найти покупателя. Даже парришское общество по благоустройству города не питает достаточного уважения к истории.

Каретный сарай – это зарегистрированный архитектурный памятник и должен охраняться государством. Сохрани студию Линкольна в прежнем виде, иначе все перейдет университету. Что же до картины... ты либо найдешь ее, либо нет.

Желаю удачи.

Таллула Шелборн Кэри».

Настойчивые утверждения Таллулы, что именно она была великой любовью всей жизни Линкольна Эша, доводили Дидди до белого каления. Таллула говорила, что Эш обещал вернуться в Парриш и к ней, как только его выставка на Манхэттене закроется, но за день до этого события его сбил автобус. Дидди клялась, что картина существует исключительно в воображении Таллулы, но Гриффин с ней не соглашался.

– Картина у Таллулы, это точно. Я сам видел, – возражал он. Но когда Дидди потребовала подробностей, муж просто рассмеялся.

Таллула отказывалась показать картину, поскольку это все, что осталось от любимого, и она не собиралась потакать любителям совать нос в чужие дела и надутым индюкам-искусство-

ведам, которых при жизни так презирал Эш. Они просто разложат ее по косточкам, выплеснув с водой ребенка и выхолостив глубинный смысл, вложенный в работу автором.

– Мир может пялиться на нее сколько угодно после моей смерти, – твердила она, – а пока я сохраняю для себя все, что имею.

Шугар Бет повернула ключ в скважине. Дверь перекосило, так что пришлось налечь на нее плечом. Стоило переступить порог, как что-то полетело ей в голову. Она взвизгнула и пригнулась. Когда сердце снова забилося в привычном ритме, она натянула шляпу пониже и прошла вглубь.

Увиденное заставило ее содрогнуться. Вонючая засохшая корка птичьего помета и грязи покрывала выщербленные старые скамьи в помещении, бывшем когда-то маленьким залом ожидания. По одной стене змеились ржавые потеки, на полу разлилась смрадная лужа, а обломки мебели валялись повсюду, как полусгнившие кости. Под кассой громоздился ворох грязных одеял, старых газет и пустых консервных банок: очевидно, здесь некоторое время ночевал какой-то бродяга. В Шугар Бет сразу разыгралась застарелая аллергия на пыль, и она стала оглушительно чихать. Немного придя в себя, она вытащила принесенный с собой фонарик и принялась осматривать каждый угол.

Кроме зала ожидания, здесь были камеры хранения, кладовые, небольшое помещение за кассой и общественные туалеты – невыносимо вонючие вместилища голых труб, загаженной и разбитой сантехники и подозрительных куч всякого дерьма. Следующие два часа она ворошила поломанную мебель, ящики, покосившиеся каталожные шкафы, но обнаружила только мышиный помет и птичьи трупки, от зрелища которых тошнило. И ни следа картины.

Грязная, сморкающаяся и обессиленная, она наконец рухнула на скамью. Если Таллула спрятала картину не в доме и не в здании вокзала, то где же? С завтрашнего дня придется поискать оставшихся в живых партнеров Таллулы по игре в канастику. Они, конечно, посчитают своим долгом осуждающе пощелкать языком при виде вернувшейся блудной дочери. Но все это ближайшие друзья тетки и скорее всего знают ее тайны. Хуже всего то, что у нее остались последние пятьдесят долларов. Если она намеревается обедать каждый день, придется найти работу.

– Очаровательное местечко, ничего не скажешь.

Шугар Бет, чихнув в очередной раз, обернулась и увидела стоявшего в дверях Колина Берна. Выглядел он так, словно только что вернулся с прогулки по болотам: сапоги, темно-коричневые слаксы, твидовая куртка, взъерошенные по моде волосы. Но холодный оценивающий взгляд больше напоминал буйного охотника с Фронтиса¹², чем цивилизованного бритта.

– Если собираетесь снова наброситься на меня, – предупредила она, – постарайтесь затянуть суспензорий как можно туже, потому что на этот раз я уже не буду такой вежливой.

– Видите ли, мое тело способно выдержать только весьма ограниченную дозу яда.

Он сунул дужку темных очков за распахнутый ворот сорочки и сделал несколько шагов внутрь.

– Интересно, что Таллула оставила вам вокзал... впрочем, и неудивительно, учитывая ее чувства к родным.

– Я продам по дешевке, если хотите купить. Выгодная сделка.

– Нет, спасибо.

– Вам он может принести целое состояние. Могли бы и выказать немного благодарности.

– «Последний полустанок» – книга о городе. Вокзал – всего лишь метафора.

– А я думала, метафора – диетический напиток. Вы всегда одеваетесь как зануда?

– По крайней мере возможно чаще.

– Дурацкий вид.

---

¹² Западная граница территорий, освоение которых происходило в бесконечных стычках с индейцами.

– А вы, разумеется, непререкаемый арбитр мод, – парировал он, пренебрежительно оглядывая ее грязные джинсы и пропыленную фуфайку.

Шугар Бет стащила ковбойскую шляпу и вытерла паутину со щеки.

– Вы были ужасным учителем.

– Отвратительным, – согласился он, поддевая носком сапога длинный отрезок кабеля.

– Учителя должны воспитывать в учениках уверенность в себе. Вы называли нас жабами.

– Только в лицо. Боюсь, за вашими спинами я именовал вас кое-чем похуже.

Он действительно был ужасным учителем: саркастичным, язвительным и нетерпеливым. Но иногда и блестящим.

Она вспомнила, как он читал им стихи и прозу: слова лились с языка, словно грустная музыка. Иногда в классе становилось тихо, как ночью, и она воображала, что вместе с друзьями сидит в темноте у костра, где-то далеко, на краю света. Он умел ободрить самых отстающих, так что последние тупицы вдруг начинали читать книги, спортсмены – писать стихи, а застенчивые из застенчивых – говорить у доски, хотя бы для того, чтобы защититься от его уничтожающих реплик. Она запоздало вспомнила, что он был именно тем учителем, который показал ей, как писать сочинения.

Она снова нахлобучила шляпу, заметив, как брезгливо он поглядывает на лужу стоячей воды посреди пола.

– Это правда, что вы не приехали на похороны отца? Довольно наглый поступок, даже для вас.

– Он был мертв, поэтому, думаю, даже не заметил, – пожала плечами Шугар Бет, оттолкнувшись от скамейки. – Насколько я поняла, вы снимались на обложку книги прямо здесь, на фоне вокзала. Я требую отчисления за право пользования своей собственностью. Несколько тысяч вполне хватит.

– Можете подать иск.

Она отбросила секцию трубы.

– Позвольте спросить, что вы здесь делаете?

– Злорадствую, естественно. А что вы подумали?

Ей хотелось схватить ножку от стула и огреть его по голове, но он, несомненно, ответит ударом на удар, поэтому она вынудила себя быть сдержанной.

– Вы хорошо знали тетю?

– Лучше не бывает. – Он подошел поближе, чтобы рассмотреть окно кассы, не обращая внимания на грязь. – Как знаток местной истории, она была неоценимым источником сведений. К сожалению, мировоззрение ее казалось мне чересчур ограниченным. Поэтому особой моей симпатией она не пользовалась.

– Уверена, что это мешало ей спать по ночам.

Он провел пальцем по железному пруту, вынул белоснежный носовой платок и вытер собранную пыль.

– Большинство местных жителей не верят в существование картины.

Шугар Бет не потрудилась спросить, откуда он знает, что именно она ищет. Должно быть, всему городу известны условия завешания Таллулы.

– Она существует.

– Я тоже так думаю. Но как вы-то до этого докопались?

– Не ваше собачье дело. – Она показала на груды ящиков. – За ними лежит мертвая птица. Должна же быть от вас хоть какая-то польза! Уберите ее отсюда!

Он заглянул за ящики, но, похоже, и не подумал избавиться от труп.

– Ваша тетка была с тараканами.

– Это у нас семейное. И не ждите, чтобы я устыдилась. Янки, как правило, запирают спятивших родственников в психушку, но здесь во время карнавалов мы сажаем их на увитые цветами платформы и провозим по всему городу. Вы женаты?

– Был когда-то. Я вдовец.

Не стань она другим человеком, не преминула бы осведомиться, уж не убил ли он жену своим тонким чувством юмора. Но в то же время ее разбирало любопытство. Что за женщина способна связать судьбу с таким невозможным циником?

Но она тут же вспомнила, что в школе все девчонки вздыхали по нему, стоически вынося его жалящие выговоры. Женщины и трудные мужчины. Хорошо, что она сумела отказаться от этой привычки.

Он наконец отвернулся от кассы.

– Расскажите о бойкоте отцовских похорон.

– А какое вам дело?

– Я писатель. И меня интересуют механизмы функционирования самовлюбленного ума.

– О, я сейчас в обморок упаду. Столько заковыристых слов, что моя несчастная бедная головка идет кругом.

– А ведь вы были умны. Прекрасные способности. Только вы отказывались использовать собственный мозг для чего-то стоящего.

– Опять вы! Что за патологическая ненависть к модным журналам!

– Не приехать на похороны отца! Это требует немалой наглости даже для такой, как вы.

– В тот день у меня была запись к парикмахеру.

Он терпеливо ждал, но она не собиралась рассказывать о том кошмарном времени.

Все началось так хорошо. Она была самой популярной первокурсницей в «Старом Мисе», так завертевшись в вихре студенческой жизни, что «Сивиллы» отошли куда-то очень далеко. Она порвала с ними всяческие отношения, не отвечала на звонки и не приходила на свидания, когда они приезжали в гости. Но одним январским утром Гриффин позвонил и сказал, что Дидди умерла во сне от кровоизлияния в мозг. Шугар Бет была безутешна. И думала, что ничего худшего с ней уже не может случиться, но шесть недель спустя Гриффин объявил, что женится на своей стародавней любовнице. При этом он искренне ожидал, что Шугар Бет с радостной улыбкой будет восседать на передней скамье в церкви. Она завопила, что ненавидит его и ноги ее в Паррише не будет. И хотя отец пригрозил лишить ее наследства, сдержала слово.

День свадьбы отца она провела в постели с Дарреном Тарпом, пытаясь заглушить свою скорбь плохим сексом. Вскоре, когда Гриффин избавлялся от вещей Дидди, он нашел исповедь дочери. Уже через несколько дней весь город знал, что она сотворила с Колином Берном, и люди, которые раньше просто ее недолюбливали, теперь возненавидели. «Сивиллы», и без того оскорбленные ее высокомерием, окончательно с ней порвали.

У нее не было ни малейшего шанса помириться с отцом. Прямо перед летними экзаменами, всего через три месяца после свадьбы, отец умер от инфаркта. И только тогда Шугар Бет узнала, что он исполнил свою угрозу лишить ее наследства. На протяжении всего пяти месяцев она потеряла мать, отца, лучших подруг и Френчменз-Брайд. И была еще слишком молода, чтобы осознать, сколько потерь еще ждут впереди.

– Это правда, что вы вышли замуж через три дня после похорон Гриффина? – без особого интереса спросил Берн.

– В свою защиту могу сказать, что во время церемонии рыдала, как прохудившаяся водопроводная труба.

– Трогательно.

Она вытащила из кармана ключ:

– Как ни приятно беседовать с вами, но мне нужно запереть дверь и ехать по делам.

– Маникюр и массаж.

– Позже. Сначала мне нужно найти работу.

Темная изогнутая бровь чуть приподнялась.

– Работу? В жизни не поверю.

– Безделье тоже надоедает, знаете ли.

– Газеты писали, что Эммет Хупер умер банкротом, но я был уверен, что вам удастся что-нибудь урвать.

– И вправду удалось, – кивнула она, вспомнив о Гордоне.

Он еще раз оглядел жуткую разруху и умудрился взбесить ее, изогнув губы в едкой улыбке.

– Так вы действительно разорены?

– Только до тех пор, пока не найду картину.

– Если найдете.

– Обязательно. В этом можете не сомневаться.

Протискиваясь мимо него к выходу, она усилием воли заставила себя не пуститься в бегство.

– Жаль, что не можете остаться еще на часок.

Он не торопился следовать за ней. Тень улыбки все еще маячила в уголках рта.

– Позвольте мне уточнить: вы действительно собираетесь зарабатывать на хлеб честным трудом?

– О, мне не привыкать.

Она немного энергичнее, чем необходимо, повернула ключ в скважине.

– Снова найметесь официанткой?

– Эта работа ничем не хуже других.

Она шагнула к машине, стараясь не выглядеть так, словно удирает из тюрьмы. Но едва взялась за ручку дверцы, как он крикнул с крыльца:

– Если не сможете ничего найти, приходите ко мне. Может, что-то и найдется.

– О да, как же, непременно.

Она рывком открыла дверцу и тут же развернулась.

– Если не желаете, чтобы война между нашими ранчо приобрела действительно уродливые формы, советую снять эту идиотскую цепь не позднее вечера.

Похоже, она не на шутку его позабавила.

– Угрозы, Шугар Бет?

– Вы меня слышали.

Она буквально влетела в машину и, уже отъехав, увидела в зеркальце заднего вида, как он подходит к блестящему новому «лексусу». Элегантный, надменный, усмехающийся. Хладнокровный ублюдок.

Заехав в аптеку-кафе за газетой, она снова столкнулась у кассы с Кабби Боумаром.

– Видела на улице мой новый фургон, Шугар Бет? – похвастался он.

– Боюсь, не заметила.

– Бизнес идет неплохо. Можно сказать, даже хорошо. Чистка ковров – дело прибыльное.

Плотоядно облизнув губы, он снова пригласил ее выпить в баре. Она едва спасла то, что еще оставалось от ее добродетели, и, вернувшись в машину, развернула газету на странице объявлений о вакансиях. И еще раз напомнила себе, что долго работать не придется. Как только картина отыщется, она немедленно отправится в Хьюстон.

Никому не требовалась официантка, что было даже к лучшему, потому что при мысли о необходимости подавать гамбургеры тем людям, перед которыми когда-то задирала нос, в животе все переворачивалось. Оставалось три варианта: кондитерская, страховое агентство и антикварный магазинчик. Но прежде всего нужно вернуться домой, принять душ и переодеться.

К входной двери был прислонен план усадьбы. Присмотревшись, она поняла, что Колин был прав. Подъездная аллея принадлежала Френчменз-Брайд.

Угнетенная этим открытием, она вымылась, накрутила волосы, сделала прическу и отыскала самый скромный костюм, который только смогла отыскать: древнюю юбку от Шанель и белую майку. Накинула сверху кардиган цвета малины, натянула нейлоновые колготки и сапожки и отправилась в путь. Поскольку страховое агентство предлагало самое большое жалованье, она решила начать оттуда. К сожалению, за столом менеджера по персоналу сидела Лори Фергюсон.

В школе Лори ей нравилась. Кроме того, Шугар Бет считала, что не делала ей особенных гадостей, но уже через пять минут выяснилось, что у Лори на этот счет иное мнение.

– Что же, Шугар Бет Кэри, я слышала, что ты вернулась, но никак не ожидала увидеть тебя здесь.

Ее тяжелые волосы превратились из каштановых в ярко-рыжие, а серьги были чересчур велики для маленького остроносого личика. Даже не пригласив Шугар Бет сесть, она постучала по столу акриловым ногтем с крохотным американским флагом на кончике и затянулась сигаретой.

– Подумать только, ты – и ищешь работу! Но, понимаешь, мы нанимаем только тех, кто действительно полон желания сделать карьеру.

И хотя Шугар Бет про себя подумала, что место секретаря не такое уж великое карьерное достижение, все же ослепительно улыбнулась.

– Иного я и не ожидала.

– Кроме того, нам нужен кто-то постоянный. Собираешься остаться в Паррише?

Шугар Бет поняла, что за этим последует, и, несмотря на то что с некоторых пор возненавидела необходимость лгать, все же была вынуждена уклончиво промямлить:

– Ты, должно быть, слышала, что у меня здесь дом.

– Значит, остаешься?

Судя по злобному блеску глазок, вопрос скорее связан с намерением Лори подлить масла в огонь местных сплетен, чем с желанием предложить Шугар Бет работу. С другой стороны, сама мысль о том, чтобы иметь на побегушках дочь Гриффина и Дидди может быть достаточно привлекательной, чтобы принять ее в агентство. Полупустой пакет с собачьим кормом, одиноко стоявший на кухне каретного сарая, подвигнул ее на вежливый ответ.

– Я не могу пообещать прожить здесь остаток дней своих, но пока что не собираюсь уезжать.

– Понятно. – Лори переложила документы с одного места на другое и самодовольно усмехнулась. – Надеюсь, ты согласишься пройти тест на профпригодность? Мне нужно убедиться в твоих минимальных знаниях математики и английского.

И тут Шугар Бет все-таки не сдержалась:

– О, разумеется. С математикой все в порядке. Впрочем, ты должна это помнить, если учесть, сколько раз списывала у меня задания по алгебре.

Тридцать секунд спустя она уже шагала по тротуару.

Кондитерская «Сливки сливок» в детстве Шугар Бет называлась кафе «У Глендоры». К несчастью, новая хозяйка искала такого человека, который мог бы не только печь пирожные, но и делать мелкий ремонт. Она вручила Бет гаечный ключ и попросила продемонстрировать свое умение, но на этом испытание и закончилось. Оставался антикварный магазин.

Очаровательно оформленная витрина во «Вчерашних сокровищах» вмещала детскую лошадку-качалку, старый сундук с одеялами и стул с изогнутыми ножками, на котором стояли расписанный вручную кувшин и тазик для умывания. На душе Шугар Бет немного полегчало. Что за чудесное местечко! Может, владелец – человек в Паррише новый, как хозяйка кондитерской, и не знаком с репутацией Шугар Бет.

Старомодный колокольчик над дверью звякнул, и мягкие звуки виолончельной сюиты Баха окутали ее. Она вдохнула пряный аромат смеси сушеных лепестков вместе с приятным запахом старины. Антикварные столики поблескивали английским фарфором и ирландским хрусталем. В открытых ящиках древнего комода на ножках виднелось чудесное старое белье. Оригинальный письменный стол розового дерева завален цепочками для часов, ожерельями и брошками. Все в этом магазине было высшего качества, со вкусом расставлено и идеально ухожено.

Откуда-то из задней комнаты послышался женский голос:

– Я сейчас приду.

– О, не торопитесь.

Шугар Бет как раз восхищалась пестрой выставкой викторианских картонок для шляп, шелковых фиалок и плетенных из тростника корзинок, наполненных коричневыми яйцами в крапинку, когда из полутьмы выступила женщина. Сначала Шугар Бет заметила только темные, затейливо подстриженные волосы. Женщина была одета в бледно-серые слаксы и свитер в тон. На груди переливались изумительно подобранные жемчужины.

По спине Шугар Бет словно прошелся ледяной палец. Что-то в этих жемчугах...

– Привет, – улыбнулась женщина – Чем могу по...

И тут она осеклась и замерла. Прямо посреди комнаты под французской люстрой. Одна нога едва коснулась пола, улыбка застыла на губах.

Шугар Бет узнала бы эти глаза повсюду. Глаза того же серебристо-голубого оттенка, те самые, что каждое утро смотрели из зеркала. Глаза ее отца.

Глаза его второй дочери.

Глава 4

*– Будь у меня такая дочь, как ты, я стыдился бы называться ее отцом! – заявил мистер Голдхангер с неподдельным чувством.
Джорджетт Хейер. «Великоленная Софи»*

Полузабытая горечь желчью обожгла горло Шугар Бет. Умные люди обычно стараются держать законных детей подальше от незаконных.

Только не Гриффин Кэри. Он поселил их в одном городе едва не в трех милях друг от друга и в своем закоренелом эгоизме отказывался понять, насколько трудно Шугар Бет и Уинни учиться в одной школе.

Обе его женщины забеременели почти одновременно: сначала Дидди, потом Сабрина Дэвис. Дидди высоко держала голову, ожидая, что муж постепенно справится со своим влечением к женщине, которую сама она считала деревенским ничтожеством. Когда же этого не произошло, она предпочла относиться к происходящему философски.

– Настоящая женщина должна быть выше этого, Шугар Бет. Пусть возится со своей шваблєю. У меня есть Френчменз-Брайд.

Когда же Шугар Бет рвала и метала из-за того, что ее заставляли ходить в одну школу с Уинни, Дидди с нехарактерной для нее резкостью напускалась на дочь:

– Нет ничего хуже жалости окружающих. Держись прямо и помни, что когда-нибудь все, чем он владеет, перейдет к тебе.

Но Дидди ошибалась. Перед смертью Гриффин изменил завещание и оставил все Сабрине и Уинни Дэвис.

Элегантная особа, стоявшая сейчас перед ней, мало напоминала замкнутую, молчаливую парию, школьного изгоя, ту, которая путалась в собственных ногах и едва не падала, когда кто-то заговаривал с ней.

Странное бессилие овладело Шугар Бет. В детстве она, естественно, не могла управлять взрослыми, поэтому показывала свою власть над единственной, кто не мог ей ответить тем же. Над незаконной дочерью отца.

– Что ты здесь делаешь? – бросила наконец Уинни, не двигаясь с места.

Не могла же она сказать, что ищет работу!

– Я... я проходила мимо и увидела магазин.

Уинни удалось взять себя в руки намного быстрее.

– Тебя интересует что-то определенное?

Откуда такая выдержка? Уинни Дэвис, которую помнила Шугар Бет, мучительно краснела, стоило только кому-то заговорить с ней.

– Н-нет. Просто смотрела.

Шугар Бет услышала свой заикающийся голос и по тому, как довольно вспыхнули глаза Уинни, поняла, что и она тоже это отметила.

– Я как раз получила новую партию из Атланты. Там есть чудесные пузырьки из-под духов.

Она положила руку на нить жемчуга. Шугар Бет уставилась на розоватые горошины. До чего же они похожи...

– Обожаю пузырьки из-под духов, а ты?

Кровь бросилась ей в лицо. На Уинни жемчуга Дидди!

– При виде очередного пузырька я всегда гадаю, кто была та женщина, которой принадлежали духи.

Ее пальцы ласкали ожерелье. Намеренный жест. Жестокий.

Шугар Бет не могла... не могла стоять и смотреть на жемчуга Дидди, поблескивавшие на груди Уинни Дэвис.

Порывисто повернувшись, она пошла к двери. Слишком быстро. Потому что наткнулась на столик, совсем как Уинни налетала когда-то на школьные парты. Медный подсвечник покачнулся, упал и покатился к краю стола. Она не остановилась, чтобы поднять его.

«Ужин сегодня будет отвратительным, и не только потому, что она подаст бифштексы, которые я отказываюсь есть из-за глобального потепления, и тому подобное, но, главное, из-за нее. Почему она не может хоть немного походить на ма Челси, вместо того чтобы разгуливать с таким видом, будто у нее кол в заднице? Я совсем не такая, как она, что бы там ни говорила бабушка Сабрина. И я не богатая сучка!

Ненавижу Келли Уиллман».

– Джиджи, ужин готов, – окликнула снизу мать.

Джиджи неохотно закрыла тетрадь на спиральке, в которой вела секретный дневник еще с прошлого года, когда училась в седьмом классе. Сунула дневник под подушку и свесила с кровати ноги в мешковатых вельветовых штанах. До чего же противная спальня! Обставлена в этом веселеньком стиле Лоры Эшли¹³, который так лю-у-бит мамаша.

Джиджи хотела выкрасить комнату либо в черный, либо в фиолетовый и сменить доисторическую мебель на те потрясные штуки, которые видела в лавочках на набережной. И поскольку Уи-и-нифред не позволила ей это делать, Джиджи повсюду наклеила постеры с изображением рок-групп. Чем гаже, тем лучше.

Накрывать на стол было ее обязанностью, но, войдя в кухню, она обнаружила, что мать уже обо всем позаботилась.

– Ты вымыла руки?

– Нет, *madre*, я специально натерла их грязью по пути сюда.

Губы матери раздраженно поджались.

– Перемешай салат, пожалуйста.

Ма Челси носила джинсы, застегивавшиеся на бедрах, но мамаша Джиджи так и не переодела занудные серые слаксы и свитер, которые надевала на работу. В прошлом году она и от Джиджи требовала одеваться в такое же дерьмо из каталога «Блумингсдейл». Она не понимала, что это такое, когда все за твоей же спиной обзывают тебя богатой сучкой. Но Джиджи быстро исправила положение. И с прошлого сентября носила только то, что могла найти в магазинчике подержанных вещей Армии спасения. Это доводило Уи-и-нифред до белого каления. Джиджи также прекратила вести себя в школе как последняя кретинка. И нашла новых классных подруг. Вроде Челси.

– Звонила миссис Кимбл насчет контрольной по истории. У тебя тройка.

– Ну и прекрасно. Я не так умна, как ты когда-то.

Мать, хотя и знала, что это неправда, только молча вздохнула и при этом выглядела такой грустной, что Джиджи вдруг захотелось извиниться. Сказать, что зря вела себя как последняя негодяйка. Что снова станет трудиться в меру своих способностей. Но язык отказывался повиноваться. Мать никогда ничего не понимала.

Господи, до чего же противно быть тринадцатилетней!

Уи-и-нифред поставила на стол последнюю тарелку для салата. Сегодня она вынула парадный темно-коричневый фарфоровый сервиз, возможно, потому что отец для разнообразия решил поужинать в кругу семьи. Их дубовый стол-тумба и вполтину не был таким прикольным, как тяжелый французский крестьянский стол, который Уи-и-нифред продала не

---

¹³ Компания, основанная в 1953 году дизайнером Лорой Эшли. Продукция отличается мягкой расцветкой, традиционными сельскими узорами и включает одежду, хлопчатобумажные ткани, мебель и хозяйственные товары.

задумываясь прямо из собственной кухни, хотя Джиджи его любила и в деньгах они не нуждались. Джиджи мечтала, чтобы мать закрыла магазин или хотя бы наняла кого-то себе в помощь, чтобы есть по вечерам нормальную еду, а не замороженное дерьмо. Но мать сказала, что если это так ее волнует, пусть готовит сама. Опять она слышит только то, что хочет слышать!

В салатнице тикового дерева был один из тех готовых салатов, в которые не кладут ничего, кроме латука и сухого морковного дерьма. Раньше, даже часами просиживая в различных советах и комиссиях, мать умудрялась делать настоящие салаты из свежих помидоров, швейцарского сыра и орзо – макарон, похожих на крупные зерна риса. Она даже делала гренки с чесноком, который Джиджи обожала, несмотря на дурной запах изо рта.

– Я хочу орзо, – пожаловалась она.

– У меня не было времени.

Мать подошла к задней двери и высунула голову на улицу:

– Райан, бифштексы готовы?

– Уже несу.

Па круглый год жарил бифштексы в патио на гриле. Он не слишком любил это занятие, но мать утверждала, что мясо на гриле вкуснее, и па чувствовал себя виноватым, потому что постоянно задерживался на работе и к ужину попадал редко. Он был главным управляющим ОФК, что накладывало на него огромную ответственность. Фабрика принадлежала бабушке Сабрине, но управлял ею совет директоров, и ее па, как всякий другой, прошел все ступени служебной лестницы. Джиджи сама слышала, как мать говорила бабке, что ему пришлось работать гораздо больше остальных, потому что он все еще считал необходимым доказывать свое право на должность. Бабушка жила в классном особняке на Синик-драйв в Пасс-Кристиен, ближе к Мексиканскому заливу, что, как говорил па, было достаточно далеко отсюда.

Вернее, почти далеко.

Их финансовые отношения были весьма сложны. Кое-какое имущество вроде фабрики принадлежало бабушке, но Френчменз-Брайд был оставлен матери. Правда, та отказывалась там жить, и дом простоял закрытым, пока его не купил Колин. Джиджи любила Колина, хотя он вечно издевался над ней за то, что она не читала всякую муть вроде «Войны и мира». Два года назад он вызвался тренировать школьную футбольную команду, и в прошлом году они даже поехали на чемпионат штата.

Джиджи почти швырнула салатницу на стол.

– Я не ем бифштексов. Сколько раз тебе повторять?!

– Джиджи, у меня был трудный день. Не упрямясь.

– А вот и мы.

Отец внес бифштексы на фарфоровом блюде. Красиво. Но даже если бы Джиджи и нравился сервиз, она не позволила бы себе привязаться к нему, потому что мать непременно продала бы его тоже. Прямо у нее из-под носа. Мать была помешана на истории, поэтому так любила антиквариат.

Отец, подмигнув, поставил блюдо на медный треножник. Ему было тридцать три, а Уинифред – тридцать два. Большинство родителей ее сверстников были намного старше, но Джиджи родилась, когда ее предки учились в колледже. Преждевременно, ха-ха, можно подумать, что кто-то этому поверил!

От запаха жареного мяса рот наполнился слюной, но она заставила себя думать о том, что замороженные продукты хранятся в холодильниках, а всякая утечка фреона вызывает истощение озонового слоя и глобальное потепление, а кроме того, просто позор уничтожать бедных животных. Поэтому две недели назад Джиджи решила стать вегетарианкой. Она пыталась объяснить это за ленчем, но Челси велела прекратить идиотские разговоры. Но эта чудачка Гвен Лу подслушала их и завела долгую интеллектуальную беседу на тему глобального потепления. Словно репутация Джиджи может выдержать публичное появление вместе с Гвен Лу!

– Вино? – спросил отец.

– Разумеется.

Мать вынула из духовки мерзкую картофельную соломку и высыпала ее в стеклянную миску.

Отец снял бутылку со стеллажа, где хранилось вино.

В седьмом классе, когда Джиджи еще дружила с Келли и остальными, Келли утверждала, что па Джиджи похож на Брэда Питта, что было совершенным враньем. Во-первых, Брэд Питт коротышка и старый, а глаза слишком близко посажены. И неужели кто-то мог вообразить, что ее па способен расхаживать с вечно встрепанными волосами и такой щетиной, словно никогда не бреется? И Джиджи ужасно злилась, когда девочки твердили, что он горячий мужик.

Овалом лица и формой губ Джиджи походила на него, но волосы были темно-каштановыми, а не светлыми. И глаза у нее были не золотистыми, а противно голубыми, как у матери. Но что бы там ни твердила бабушка Сабрина, Джиджи куда больше походила на отца, чем на мать.

Жаль только, что он так много работает. Если бы отец почаще бывал дома, мать, наверное, не открыла бы магазин. Дело не в деньгах. Мать говорит, что, пока Джиджи в школе, а Райан допоздна сидит на работе, ей просто нечего делать, даже при всех ее комитетах. По мнению Джиджи, лучше бы она оставалась дома и готовила приличные салаты.

Райан принес бокалы, и все уселись за стол. Мать прочитала молитву, и отец передал ей блюдо.

– Ну, Жи, как дела в школе?

– Тоска зеленая.

Родители переглянулись, и Джиджи сразу поняла, что следовало бы с самого начала прикусить свой длинный болтливый язык. Они считали, что одна из причин, по которым ее отметки продолжают снижаться, – недостаточный интеллектуальный уровень самих учителей, неспособных заинтересовать учеников на уроках, что было правдой, но не имело ничего общего с ее плохой успеваемостью. Не так давно она испугалась, что ее могут отослать в тот же пансион для одаренных детей, что и Колби Снид, а та и вполтину не была так сообразительна, как Джиджи.

– В основном из-за дурацких выходок одноклассников, – быстро поправилась она. – Уроки на этой неделе были на редкость интересными, и учителя все так понятно объясняют.

Мать подняла брови, а отец покачал головой. В чем, в чем, а в глупости ее родителей не упрекнешь.

Отец посолил картофельную соломку.

– Странно, что при всем этом ты не смогла получить больше тройки за контрольную по истории.

Джиджи знала, что ступает на тонкий лед. Положение первой отличницы в классе, если не считать придурочной Гвен Лу, и к тому же самой богатой девочки в городе вызывало искреннюю ненависть окружающих, но если отметки станут еще ниже, она в два счета окажется в пансионе, и тогда придется покончить с собой.

– У меня живот болел. В следующий раз я наверняка сумею добиться большего, вот увидите.

В глазах отца снова мелькнула тревога, которую Джиджи так часто видела за последнее время.

– Почему бы тебе не прогуляться со мной на фабрику в субботу утром? Я там долго не пробуду, а ты сможешь испортить столько компьютеров, сколько успеешь.

Девочка закатила глаза. В детстве она любила ходить на отцовскую работу, но сейчас считала такое занятие слишком скучным.

– Нет, спасибо. Мы с Челси идем к Шаннон.

– Челси и я, – поправила мать.

– Как, и ты тоже приглашена к Шаннон?

– Довольно, Джи! – рявкнул отец. – Хватит умничать!

Джиджи скорчила гримасу, но не осмелилась огрызнуться, как часто проделывала с матерью, потому что, если отец разозлится, ей мало не покажется, а она и без того только что вернула себе право говорить по телефону.

Остаток ужина мать почти все время молчала, что было весьма необычно: когда отец приходил вовремя, она из кожи вон лезла, чтобы развлечь его – весело щебетала, находила занимательные темы для разговора и тому подобное. Сегодня же она явно думала о чем-то своем, почти не обращая на них внимания, и Джиджи ужасно захотелось узнать, имеет ли настроение матери что-то общее с тем фактом что Та, Имя Которой Запретно, появилась в городе.

Она просто на стенку лезла от злости. Ну почему они все вечно от нее скрывают! Джиджи приходилось узнавать о происходившем от Челси, которая, в свою очередь, узнавала об этом от матери. Родители Джиджи вели себя так, словно она по-прежнему оставалась ребенком, хотя весь город знал, что бабушка Сабрина вышла за папашу матери Гриффина Кэри, когда мать уже оканчивала школу, а до этого дед имел другую семью, и вообще кому какое дело? Хотя, нужно признать, Джиджи просто сгорала от любопытства.

Звякнул телефон, бросилась к трубке, поскольку знала, что это Челси.

– Мне можно идти?

Она ожидала, что мать, как всегда, скажет «нет», но та промолчала, поэтому Джиджи, прихватив телефон, побежала наверх. Что-то непонятное творится сегодня в доме.

Уинни молча смотрела вслед дочери, гадая, что случилось с той малышкой, которая хвостиком ходила за матерью. В прошлом году в это время Джиджи прилетала домой из школы, настолько переполненная новостями, что даже заикаться начинала.

Райан посмотрел на дверь.

– Я считаю, что ты не должна ей позволять так много времени проводить с Челси. Девушка выглядит как анонс детского порно.

Уинни сжала в кулак лежавшую на коленях руку, но голос оставался спокойным:

– И как же, по-твоему, я должна этого добиться?

Райан вздохнул:

– Прости. Устал. Вот и срываюсь на тебе. Думаю, девочка перерастет свои увлечения и мы получим назад нашу дочь.

Уинни и Райан крайне редко ссорились и за все эти годы вряд ли сказали друг другу хоть одно резкое слово. Все ограничивалось ледяным тоном и короткими холодными фразами. Уинни искренне не понимала, как Мэрилин и Дик могут так себя вести. Во время одного из скандалов Дик пробил дыру в стене гаража, а потом оба смеясь об этом рассказывали. Удивительное дело!

«Ну не мог же я врезать ей», – пояснил Дик, а Мэрилин рассмеялась.

Уинни представить не могла подобных отношений. Да и не вынесет она таких стрессов!

Райан грустно покачал головой:

– В этих обносках она выглядит уличной девчонкой.

И опять виновата Уинни. Сегодня на Джиджи была жуткая блузка, купленная в секонд-хэнде Армии спасения. Уинни следовало бы сообразить, что дорогой гардероб дочери сделает ее мишенью для насмешек, и вовремя отступить, но она хотела, чтобы дочь чувствовала себя комфортно, и слишком долго выжидала.

Уинни швырнула салфетку на стол.

– На этот раз ты должен поговорить с ней. Она и без того меня ненавидит.

Как могло до этого дойти? Она так стремилась стать Джиджи именно такой матерью, о которой мечтала в детстве сама. Наверное, Сабрина делала все, что могла, но они слишком зависели от подачек Гриффина Кэри, и она посвятила ему всю свою жизнь и энергию, заботясь только о его комфорте и ничего не оставляя для нуждавшейся в любви дочери. Сабрина страстно ненавидела Дидди Кэри, и сознание того, что соперница родила ослепительную Шугар Бет, а сама она произвела на свет серую мышку, терзало бедную женщину. И даже то обстоятельство, что Гриффин обожал Уинни, не облегчало ее тревог. Безжалостная натура любовника не была секретом для Сабрины, и она постоянно ждала, что в нем наконец вспыхнут чувства к законной дочери.

– Джиджи вовсе не ненавидит тебя, – заверил Райан. – У нее просто трудный возраст.

– Дело не только в этом. Так и врезала бы тем мерзавкам, которые ополчились на нее прошлым летом. И все из зависти.

– Джиджи сыграла им на руку. Ничего, она пройдет и через это, – утешил муж, но Уинни знала, что он беспокоится не меньше, чем она сама. Поднявшись, она принялась ставить посуду в раковину.

– На десерт только мороженое.

– Может, позже.

Райан не был особенно разборчив в еде. Чаще всего он вообще забывал пообедать, поэтому и оставался таким стройным, а Уинни приходилось считать каждый кусок.

Ей необходимо рассказать о появлении Шугар Бет в магазине, иначе получится, что она придает этому чересчур много значения. Но пока она пыталась найти слова, бокал выскользнул из пальцев и разбился.

– Ты в порядке?

Он встал и подошел к ней. Она хотела, чтобы Райан обнял ее, однако он устоялся на груду осколков в раковине.

– Конечно. Может, сварить кофе, пока я уберу?

Бросая самые большие осколки стекла в мусорное ведро, она гадала, почему не испытывает истинного удовлетворения результатами сегодняшней встречи? Годы были беспощадны к Шугар Бет, и Уинни впервые в жизни ощутила, что вырвалась вперед.

Она постепенно начала расцветать в выпускном классе, после того как Шугар Бет и Райан уехали в колледж. Перестала объедаться и нашла в себе мужество остричь волосы. В душе Уинни по-прежнему осталась неуклюжим подростком, но походка и осанка приобрели уверенность, которой ей так недоставало, уверенность, ставшую еще более заметной после свадьбы Гриффина и Сабрины. Она вдруг оказалась богатой наследницей, жившей во Френч-менз-Брайд.

Пальцы Уинни поползли к жемчужному ожерелью. Потрясенное выражение лица Шугар Бет стало кульминацией мечты о так долго вынашиваемой мести. Следовало бы больше наслаждаться ею, да вот почему-то не получалось.

Прошлое прокрадывалось сквозь тиканье часов и запах кофейных зерен, которые поджаривал на плите Райан. Ей снова шестнадцать... она снова бежит через спортивный зал, спотыкается, и тетрадь по алгебре падает к ногам Шугар Бет.

– Отдай!

Высокий пронзительный голос Уинни отдается от стен спортивного зала. Но Шугар Бет поднимается выше на задние ряды скамеек с открытой тетрадью в руках. Высокая, гибкая. Красавица блондинка Шугар Бет была воплощенным злом с душой черной, как сажа.

– Слушайте все! Уинни у нас мастер на все руки! Что там задачки по алгебре, пусть и повышенной сложности! Тут такое!

«Сивиллы» забыли о сплетнях. Сердце Уинни билось так часто, что казалось, вот-вот разорвется.

– Шугар Бет, предупреждаю...

Шугар Бет только улыбнулась и прошла в следующий ряд. Уинни бросилась за ней, но споткнулась и едва не упала.

– Отдай!

Шугар Бет злоратно хмыкнула:

– Не понимаю, почему столько шума. В конце концов, здесь только девочки и к тому же все свои.

Эми нервно коснулась золотого крестика на шее.

– Может, не стоит читать, если Уинни против...

Но Шугар Бет проигнорировала ее:

– Вам и не снилось!

Уинни яростно сморгнула слезы. Как бы она ни хотела дать Шугар Бет достойный отпор, та была слишком могущественна.

– Это личное. Немедленно отдай.

– О, не будь такой мямлей!

Золотые обручи в ушах Шугар Бет блеснули, когда она откидывала назад густую гриву волос. Поднеся к глазам тетрадь, она громко прочла:

– «Он смотрел на мои обнаженные соски».

Девочки покатались со смеху, все, даже Эми, хотя она снова коснулась крестика.

Подмышки Уинни были мокры от пота. Она начала записывать свои фантазии несколько месяцев назад в специальной тетрадке, которую хранила в глубине шкафчика.

– Прекрати, Шугар Бет.

– Нет, читай дальше!

Линн, не отрывая глаз от Уинни, сбрызнула косички лаком для волос, который выудила из сумочки.

Шугар Бет оперлась отливающей металлическим блеском туфелькой о сиденье предыдущего ряда.

– «Потом он просунул широкую сильную ладонь в мои крохотные кружевные трусики».

При этом она выразительно подчеркнула слово «крохотные»: не слишком тонкий намек на то, что трусики Уинни были не такими уж крохотными.

– «Я раздвинула ноги еще шире».

Уинни больше никогда не вернется в школу. Это очевидно.

– «Другая рука скользнула по внутренней стороне бедра...» – Шугар Бет широко раскрыла глаза в притворном ужасе: – Господи, Уинни Дэвис, да ведь это порнография.

– А мне нравится, – заявила Линн, выдув пузырь жвачки.

Шугар Бет перевернула страницу:

– «Я люблю тебя, Уинни, со всем пылом страсти».

Она замолчала, бегая глазами по строчкам. Пытаясь найти оружие, которое окончательно уничтожило бы Уинни. Много времени это не заняло.

– О Боже. Вы только послушайте. «Я раскинула ноги еще шире, когда его длинные пальцы стали тереть мой бутон. Я выдохнула его имя...»

В ушах Уинни звенело. Зал начал медленно кружиться. Из горла вырвался тихий беспомощный стон.

– «О, мой дорогой, дорогой...» Райан!

Кровь застыла в жилах Уинни.

– Эй, Шугар Бет, что это вы тут делаете?

Из глубины зала к ним шел Райан Галантайн в компании с Диком Джаспером и Бобби Джарроу. На всех троих были куртки с логотипом команды, потому что на сегодня была назна-

чена игра. Но Уинни видела только Райана, высокого, светловолосого, загорелого, предмет своих фантазий, и сейчас с ужасом наблюдала, как он поднимается к Шугар Бет.

– Слушай, Шугар, я думал, у вас собрание.

– Сейчас иду. Просто решила почитать девочкам, что пишет Уинни. У нее настоящий талант.

– Да ну?

Он поцеловал Шугар Бет, игнорируя школьный запрет на публичное выражение дружеских чувств, обернулся к Уинни и одарил ее мимолетной улыбкой.

– Я тоже хочу послушать.

Уинни поняла, что придется бежать из Парриша навсегда. Но когда отступила, поскользнулась и упала грузным мешком, застряв бедрами между рядами сидений.

– Прекратите, – попросила Эми, но, как и остальные, она немного побаивалась Шугар Бет и поэтому говорила не слишком убедительно.

Шугар Бет мельком глянула на Уинни и снова опустила глаза в тетрадь.

– С чего же начать? С обнаженных сосков или крохотных трусиков?

Райан рассмеялся и по-хозяйски обнял плечи Шугар Бет.

– А может, с того места, где она называет имя своего возлюбленного.

Уинни затошнило.

– Да, именно отсюда.

– «О, мой дорогой...»

– Довольно, Шугар Бет.

Все дружно обернулись на голос с резким британским акцентом. Уинни кое-как высвободилась и, с трудом встав, молча смотрела, как мистер Берн, ее любимый учитель, неторопливо идет к скамьям. Сегодня он надел серый в белую полоску жилет поверх старой черной водолазки и связал длинные волосы в хвост.

Хотя он был самым молодым учителем в школе, почти все его боялись из-за острого языка. Но и уважали тоже. Он не показывал фильмов в классе и требовал, чтобы все трудились в полную силу. Уинни обожала его. Он никогда не был язвителен с ней и даже давал почитать свои книги, утверждая, что она должна расширять кругозор.

Шугар Бет в отличие от остальных ничуть не испугалась и не забеспокоилась. Наоборот, посмотрела ему прямо в глаза.

– Привет, мистер Берн. А мы здесь время убиваем от нечего делать. Правда, Уинни?

Уинни не смогла заставить губы пошевелиться. И вообще ничего не смогла.

– Вы обе идите за мной.

– У меня сейчас собрание, мистер Берн, – пояснила Шугар Бет сахарным голоском. Сама вежливость, ничего не скажешь. – Готовимся к выпускному балу. Надеюсь, вы будете у себя через час?

В этот момент она удивительно походила на Дидди, известную умением впихнуть заседания школьного совета между любимыми сериалами.

Никто из остальных учителей не смел слова сказать Шугар Бет из опасения впасть в немилость к Дидди, но мистер Берн еще не понял, как велико влияние Дидди в городе.

– Мне совершенно все равно, что у тебя сейчас назначено.

Шугар Бет пожала плечами и отдала тетрадь Райану.

– Это я забираю, – объявил мистер Берн.

Сердце Уинни куда-то покатилося, когда Райан вернул тетрадь. Сначала Шугар Бет публично унизила ее перед одноклассниками, а теперь даже мистер Берн узнает, какая она извращенка. А Райан... она больше никогда не посмеет взглянуть на него.

Шугар Бет спорхнула вниз с тетрадкой в руках. Уинни, с пересохшим горлом, увидела, как тетрадка переходит в руки мистера Берна.

Желто-коричневые стены смыкались над ней, когда они проходили по коридорам. Шугар Бет весело щебетала, похоже, не обращая внимания на то, что остальные молчат. Уинни тащилась сзади, едва поднимая ноги.

Перед дверью классной комнаты мистер Берн остановился. Уинни упорно смотрела на уродливый коричневый кафельный пол. Но видела лишь старые черные мокасины, которые мистер Берн начищал каждый день.

– Насколько я понимаю, это твое, Уинни.

Она заставила себя поднять голову и сквозь пелену горечи увидела в его глазах знакомое высокомерие одновременно с добротой, которую никто, кроме нее, вроде бы не замечал.

Он протянул ей тетрадь.

Уинни так до конца и не поверила, что он возвращает предательское сочинение, но все же взяла тетрадь дрожащей рукой.

– С-спасибо.

Шугар Бет беспечно хихикнула.

– Мистер Берн, сначала вам бы следовало почитать, что написала Уинни. Все знают о ее талантах, но, бьюсь об заклад, вы и не подозревали, что она настолько творческая личность.

– Увидимся завтра на занятиях, Уинни, – бросил он, не глядя на Шугар Бет. – И ожидаю, что ты сумеешь выдать из себя что-нибудь остроумное об этой занудной Эстер Принн¹⁴.

Уинни утвердительно дернула головой и прижала тетрадь к груди. Но перед тем как отвернуться, мельком увидела лицо Шугар Бет, во взгляде которой сверкнула старая знакомая ненависть. Уинни точно знала причину этой ненависти. Той самой, которая всегда будет стоять между ними. Хотя у Шугар Бет было все, чего не имела Уинни: красота, популярность, самоуверенность и Райан Галантайн, – Уинни обладала тем единственным, чего так отчаянно хотела и добивалась Шугар Бет.

Любви их общего отца.

Уинни выбросила в мусор последние осколки и снова унеслась мыслями к еще одному событию того года, бесконечно более мучительному, чем разоблачение ее сексуальных фантазий, но тут же одернула себя и оглянулась на теперь уже взрослого Райана. Он завернул манжеты легкой голубой рубашки. Как ей нравились его запястья, форма рук, их изящество и сила!

Она стала его подругой, жилеткой, в которую он плакался в то лето, когда Шугар Бет бросила его и вышла за Даррена Тарпа. И хотя в его отсутствие Уинни не успела превратиться в лебедя, все же не была больше гадким утенком, и он это заметил.

Соблазнила его именно она, и Райан почти растерялся, обнаружив себя в постели с ней одним прекрасным днем, когда его родители были на работе. Поняв, что забеременела, она сначала боялась сказать ему, но Райан поступил как настоящий мужчина, женившись на ней. И даже сказал, что любит, а она притворилась, будто поверила. Но и тогда и сейчас знала, что его чувство к ней – всего лишь бледная имитация того, что он испытывал к Шугар Бет. И по сей день он ни разу не посмотрел на Уинни так, как смотрел когда-то на соперницу.

Она вытащила из шкафчика две керамические кофейные кружки и поставила на разделочный стол.

– Помнишь тот случай... когда Шугар Бет нашла мою тетрадь в спортивном зале и пыталась прочесть вслух.

Райан сунул голову в холодильник.

– У нас еще есть сливки и молоко?

– Посмотри за апельсиновым соком. Я... написала сексуальную фантазию о нас обоих.

– Правда? – Он наконец достал картонный пакет и, выпрямившись, улыбнулся жене. – Что за фантазия?

---

¹⁴ Героиня романа Н. Готорна «Алая буква».

– Она не рассказывала?

– Черт, не помню. – Улыбка поблекла. – Это было сто лет назад. Ты слишком заиклена на том, что было в школе. – Райан с такой силой захлопнул дверцу холодильника, что чайная коробка восемнадцатого века, стоявшая наверху, угрожающе качнулась. – Не понимаю, почему тебя это так волнует. В конце концов, у тебя есть все. Френчменз-Брайд, несколько миллионов на трастовом вкладе, и даже фабрика когда-нибудь станет твоей. Зачем зря тратить время, думая о том, что случилось в школе.

– Я не трачу.

Ложь. Бессовестная ложь. Те трудные годы сформировали всю ее дальнейшую жизнь: интеллект, чрезмерное внимание к собственной внешности и даже отношение к обществу.

Кофеварка всхлипнула в последний раз. Райан вынул контейнер и стал наполнять кружки. Уинни поняла, что больше оттягивать нельзя.

– Сегодня в магазин приходила Шугар Бет.

Только жена могла заметить крошечную, пульсирующую на щеке жилку. Он наполнил кружки, вставил контейнер обратно и оперся бедром о стол.

– И что она хотела?

– Просто осматривалась. Вряд ли она знала, что это мой магазин.

Он любил кофе с молоком, но сейчас даже не открыл пакет.

– Парриш – маленький город. Рано или поздно вы должны были столкнуться.

Уинни стала мыть тарелки.

– На ней дешевый свитер. И выглядела она усталой. – С таким же успехом она могла повесить на шею табличку с перечислением собственных комплексов. – Но все так же красива. И стройна.

Райан пожал плечами, словно потеряв интерес к разговору, но по-прежнему пил черный кофе. Ей хотелось сменить тему, но она никак не могла придумать, что сказать. Может, он чувствовал то же самое, потому что отставил кружку и медленно обвел Уинни взглядом.

– Так как насчет сексуальных фантазий?

Она закрутила кран и вымучила улыбку.

– Мне было всего шестнадцать, поэтому все излагалось достаточно скромно. Но пожалуй, меня можно уговорить на кое-что более рискованное после того, как Джиджи уснет.

Он скрестил руки. Уголки идеально очерченных губ чуть приподнялись.

– Да ну?

Она обожала его улыбку, но сейчас ужасно устала, нервничала и хотела только одного – принять теплую ванну и свернуться в постели с книгой. Однако подошла к мужу и сунула руку между его бедер.

– Определенно.

Он слегка прикусил ее грудь.

– Впервые жалею, что у нас в доме почти взрослая дочь.

Она отняла руку и изобразила чувственное мурлыканье:

– Не позволяй мне забыть о своем обещании, слышишь?

– О, не позволю. Поверь, ни за что не позволю.

Он чмокнул ее в щеку и отступил.

– А пока что не мешало бы напомнить ее высочеству, что убирать кухню – ее работа.

– Спасибо.

После его ухода она завернула оставшийся бифштекс в пленку и сунула в холодильник, пока Джиджи не выбросила. Потом взяла кружку и понесла в кабинет. Нужно подготовить кое-какие бумаги для городского общества по благоустройству и позвонить насчет концерта, но Уинни подошла к окну и долго стояла, глядя в никуда.

Ей только тридцать два, слишком рано для полного угасания либидо. Стоило бы обсудить это с доктором, но Пол и Райан играли в одной футбольной команде и были одноклассниками.

– Как давно отсутствие желания стало проблемой, Уинни?

– Некоторое время.

– А поточнее?

Она могла бы солгать и сказать «год». Не так ужасно, как три... а может, четыре. Самое большее пять.

– Ты обсуждала это с Райаном?

Как может женщина сказать любимому мужчине, что все это время притворялась в постели? Райан не только оскорбится, но и озадачится. Он прекрасный любовник, совершенно лишенный эгоизма. Но они не с того начали. Уинни не хотела быть запасным вариантом, жалкой заменой Шугар Бет, поэтому пошла на все, прежде чем оказалась готова стать женщиной. И хотя он был более опытным партнером, она с самого начала утвердила себя в роли сексуального агрессора, и с тех пор так и повелось. Канва их отношений оставалась удручающе однообразной. Она всегда была к его услугам. И никогда не отказывала. Не отговаривалась головной болью. Не заставляла его просить и унижаться. Неизменно была преследовательницей. Райан неизменно оставался преследуемым. И как бы она ни любила его, все равно презирала и за это.

Не слишком. Не постоянно. Только иногда. И недолго.

Глава 5

– Упрямство, вот как? Я тебя усмирю, – пообещал Видал, поднимаясь.
Джорджетт Хейер. «Дьявольское отродье»

Шугар Бет перекинула пакеты с покупками из одной руки в другую, но они были одинаково тяжелыми, поэтому ничего хорошего это не дало. Направляясь по Джефферсон-стрит к Мокингберд-лейн, она пыталась расслабить плечи. Те немногие продукты, которые она приобрела вместе с коробкой собачьего корма и шестью банками коки, в магазине казались куда легче.

От того, что она старалась не обращать внимания на штрафные квитанции за незаконную парковку, меньше их не становилось, и этим утром пришлось пустить в ход весь арсенал женских уловок и приемов против здорового парня – водителя машины-эвакуатора, которому было приказано убрать ее «вольво». После этого она из осторожности поставила машину на стоянку Арби в миле отсюда. Собственно говоря, прогуляться было бы неплохо, если бы сегодня она не проделала этот путь уже дважды и руки не оттягивали бы пакеты. Правда, при этом можно было строить планы жестокой мести Колину Берну, и это помогало отвлечься, правда, она столько раз прибегала к этому приему, что он потерял свою новизну.

Ей по-прежнему не везло, и после рокового визита в антикварную лавочку Уинни работу она так и не нашла. И картину тоже. В кошельке не оставалось даже пыли. Правда, ей удалось разыскать последних оставшихся в живых партнеров Таллулы по игре в канасту, но только Сисси Тумс вспомнила, что действительно видела картину. К сожалению, она также заявила, что спешит в Лас-Вегас на ужин с Фрэнком Синатрой.

Зазвонил сотовый. Поставив пакеты на обочину, она тяжело вздохнула. Интересно, сколько еще остается до того, как отключат связь?

– Это я, – прошепел нежный голосок.

– Привет, крошка, – улыбнулась Шугар Бет.

– Я, – повторила Дилайла, словно Шугар Бет могла не узнать голос единственного ребенка Эммета.

– Как поживает моя любимая девочка?

– Хорошо! Вчера мы рисовали! И Миси разрешила позвонить тебе.

Шугар Бет совсем забыла, что сегодня среда, день, когда они с Дилайлой обычно разговаривали.

– Как твоя простуда? Получше?

– Я принимаю по ночам сироп от кашля. Помогает. И я нарисовала для тебя картину.

Шугар Бет повернулась спиной к резкому ветру и придавила ручку пакета каблуком. Вчера было тепло, но сегодня снова похолодало.

– Расскажи, какая она?

Дилайла принялась описывать нарисованный ею океанский вид, а заодно поведала о новом морском ангеле в аквариуме, а на прощание, как всегда, сказала:

– Я люблю тебя, моя Шугар Бет. И ты тоже меня любишь, правда?

Глаза у Шугар Бет защипало. Любой ценой, любым способом нужно защитить это милое хрупкое создание.

– Очень-очень. Ужасно.

– Я так и думала.

Шугар Бет улыбнулась такой уверенности и сунула сотовый обратно в сумочку, чувствуя, как в душе снова поднимается волна знакомого застарелого гнева на Эммета. Как он мог отнестись до такой степени безалаберно к будущему дочери? Не позаботиться о ней?

«Я обеспечил Дилайлу, – объяснял он впоследствии, – но как только дела пошли плохо, пришлось позаимствовать из ее фонда. Никогда не прощу себе этого».

Шугар Бет вспомнила свой первый приезд к Дилайле в Брукдейл, частное заведение, где та прожила почти всю свою взрослую жизнь. Они влюбились друг в друга с первого взгляда. Мать Дилайлы умерла за несколько лет до того, как Шугар Бет встретила Эммета, и Дилайла отчаянно по ней тосковала. К великому удивлению Шугар Бет, она перенесла всю силу своей привязанности на мачеху. Дилайла была милой, забавной и ужасно уязвимой: пятидесятиоднолетняя женщина с умом одиннадцатилетней девочки. Оба любили всякие девчоночьи пустяки: одежду и косметику, повторные показы «Друзей» и побрякушки. Шугар Бет прочитала большинство книг Джуди Блум, «Ведьму с Блэкберд-Понд», а также приключения Мэри Кейт и Эшли. Они сплетничали о Леонардо Ди Каприо, которого обожала Дилайла, играли в клу¹⁵ и гуляли, держась за руки.

Не будь Дилайлы, Шугар Бет не пришлось бы возвращаться в Парриш. Но нужны деньги. Сумма, выделенная на содержание Дилайлы в заведении, подходила к концу, и Шугар Бет должна была найти картину, чтобы заплатить. Все же она не жалела себя. Беззаветная любовь – драгоценный дар, а Шугар Бет знала, какое счастье выпало ей на долю.

Стоило ей нагнуться за пакетами, как рядом остановился знакомый «лексус»-седан коньячного цвета. Стекло со стороны водителя поползло вниз, открывая чванливую физиономию самого Герцога Рока.

– Выглядите как бродяжка.

Она предпочла думать, что он имеет в виду ее мешки, а не джинсы вкупе с косухой.

– Спасибо, надеюсь, и у вас все хорошо.

Он рассматривал ее сквозь невидимый монокль.

– Хотите, подвезу?

– Позволяете крестьянкам садиться в дорогой экипаж?

– Разве что в припадке великодушия.

– Значит, сегодня мой счастливый день.

Он заставил ее ждать, пока неторопливо открывал замки. Она открыла заднюю дверцу и поставила пакеты за пассажирским сиденьем. И поскольку гордость все-таки еще имела некоторое значение, села рядом с ним и закрыла дверцу.

– Поехали.

Он закинул руку на спинку кресла и заносчиво повел длинным носом. Она ответила высокомерным взглядом.

– У меня не слишком много времени.

– Может, вам все-таки лучше пройтись пешком?

– Зачем же позорить округу? Бродяжка и все такое?

Она с удовлетворением заметила, что он нажал на акселератор чуть резче, чем нужно, а тон так и вовсе сделался уничтожающим:

– Надеюсь, вы дадите знать, чем еще я могу вам услужить?

Шугар Бет оценивающе осмотрела его широкие плечи.

– Ну, например, снять с подъездной дорожки эту дурацкую цепь.

– Но меня это развлекает. – Он свернул на Мокингберд-лейн. – Кстати, сегодня утром я видел эвакуатор у вашей машины. Мне ужасно жаль.

---

¹⁵ Улика (*англ.*). Настольная игра, в которой каждый игрок является одним из персонажей детективного романа с убийством и пытается обнаружить, кто убил, каким оружием и где именно.

– О, не стоит. Им управлял милейший молодой человек, такой разумный, а главное, привлекательный.

– И вам удалось отговорить его забирать машину, не так ли?

– О, что вы, что вы! Леди-южанки не увлекаются французскими поцелуями, чтобы потом рассказывать о них всякому встречному-поперечному.

Она ожидала очередной ехидной реплики. Например, что она вообще не леди. Но очевидно, он считал обычные колкости ниже своего достоинства. И предпочитал более изощренные способы ведения войны.

– Как идут поиски работы?

Ей удалось изобразить небрежный взмах рукой.

– Достойную карьеру избрать нелегко, поэтому я не тороплюсь. Можете высадить меня здесь.

Не обратив внимания на просьбу, он свернул к Френчменз-Брайд.

– И большой выбор?

– Огромный.

– Да, я так и слышал. Город прямо-таки гудит.

– Еще бы!

Он остановил машину у дома и выключил зажигание.

– Если верить слухам, даже Луис Хиггинс отказался взять вас на работу в «Куик-Март» а он, насколько мне известно, нанимает всякого, кто знает по-английски три слова.

– К моей превеликой скорби, именно я в девятом классе пустила ту гнусную сплетню о его младшей сестренке. И то, что все было чистой правдой, его, похоже, несколько не волнует.

– Какой мерой мерите, такой и вам отмерится, не согласны?

– Что тут скажешь!

Она открыла дверцу и принялась выгружать пакеты. Но тут он обошел капот, стал рядом, и она едва не уронила коку, потому что на нем был настоящий, всамделишный черный замшевый плащ. И он со своими короткими взъерошенными волосами словно сошел со старинной картины. Черт возьми, до чего же хорош!

– Позвольте, донесу ваши пакеты до каретного сарая, – предложил он. – Это самое малое, что я могу для вас сделать.

Но она была слишком потрясена видом плаща, чтобы найти слова. Это в Миссисипи и такое!

– Я надеялся, что не причиню вам особого вреда, перекрыв подъездную дорожку. Увы, как же я ошибся!

– Не беспокойтесь, – отмахнулась Шугар Бет, придя в себя. – Физические упражнения – штука полезная. К тому же можно отказаться от личного тренера.

Гордон, очевидно, прятался на веранде, потому что, завидев ее, немедленно потрусил к сараю через весь двор. Берн, к удивлению Шугар Бет, радостно улыбнулся, переложил пакеты в одну руку и, наклонившись, почесал бассета за ухом.

– Значит, ты не убежал.

– Милая собачка, – протянула она.

– Появился здесь несколько дней назад. Бродячий.

– А вдруг у него бешенство? На вашем месте я вызвала бы копов.

– Он не бешеный! – взвился Берн, раздраженно глядя на нее. – И вы прекрасно знаете, что сделают с ним копы.

– Отправят в газовую камеру, – буркнула она, злая на Гордона, способного различить доверчивого дурачка за целую милю. Вот и сейчас, вместо того чтобы по своему обыкновению зарывать, он опустил голову, так что длинные уши распластались по земле, и тихо заскулил: идеальный портрет несчастного, жалкого бедолаги.

– Я всегда знал, что вы на редкость бесчувственны, но такого не ожидал даже от вас, – сухо заметил Берн.

– Что поделаешь, закон джунглей, – пожала она плечами.

Гордон повернул назад к веранде, очевидно, очень довольный собой и молодцевато подняв голову.

– Да вы его кормили, верно? Он толстый, как бочка!

– А если и так, какое вам дело?

Она вздохнула.

Они подошли к каретному сараю, и, когда она толкнула дверь, он снова стал брюзжать:

– Почему дверь не закрыта?

– Это Парриш, не забыли? Не вижу смысла.

– Здесь, как и везде, имеются преступники. Отныне прошу запираться на все замки.

– Можно подумать, это кого-то остановит. Один хороший пинок, и...

– Да не от меня, дурочка вы такая!

– Не хотелось бы первой сообщать дурные новости, но если мое тело обнаружат, вы – первый подозреваемый, поскольку всем известно, что у вас на меня самый большой зуб.

– С вами невозможно говорить серьезно.

Он брезгливо оглядел гостиную, несмотря на то что она вылизала здесь каждую пылинку.

– Интересно, ваша тетя когда-нибудь что-нибудь выбрасывала?

– Сомневаюсь. Если вам что-то понравилось, не стесняйтесь, предлагайте свою цену.

– Спасибо, вряд ли.

Он направился к кухне так стремительно, что полы плаща развевались за спиной. Она сбросила куртку, швырнула сумочку на стул и последовала за Берном.

– Держу пари, вам не терпится сторговать картину Эша.

– Боюсь, даже мне это не по карману.

Он поставил пакеты на разделочный стол, заполнив, казалось, своим огромным телом все маленькое пространство.

Она вытащила пачку печенья в шоколадной глазури.

– Вы говорили с Таллулой. Верите, что картина существует?

– Верю, что она существовала.

– Надеюсь, что это высоколитературный британский эквивалент нашего простого «конечно, Шугар Бет, еще бы!».

Он прислонился к древнему холодильнику и пожал плечами:

– Вполне возможно, ваша тетка ее уничтожила.

– Ни в коем случае. Это самое дорогое, что у нее имелось. Да и зачем ей?

– При жизни она отказывалась показывать картину кому бы то ни было. Зачем делить ее с кем-то после смерти, а тем более с племянницей, которую она считала кем-то вроде шлюхи, пусть меня простят за откровенность.

– Потому что была предана семье.

Он поднял коробку с собачьим кормом, которую она только что выставила на стол.

– Что это?

– Я бедна. Единственное лакомство, которое могу себе позволить.

Она вырвала коробку и постаралась не задеть его, когда ставила коку в холодильник.

– Вздор. Этот пес появился одновременно с вами. Значит, он ваш, не так ли?

– Поверьте, гордиться тут нечем.

Она поставила коку на верхнюю полку.

– И вы велели мне позвать копов? – возмущенно прошипел он.

Шугар Бет улыбнулась, радуясь, что вывела его из себя.

– Мы все имеем право на мечту.

– Если вы так не любите эту собаку, почему возите за собой?

Она наклонилась, чтобы поставить корм под раковину.

– Гордон принадлежал Эммету, и никто не захотел его взять. Я пыталась отдать его, потому что он страдает изменением личности.

– Глупости. Чудесная собака.

– Это он притворяется.

Очевидно, он решил, что с него довольно, и принялся бродить по кухне, изучая шкафчики со стеклянными дверцами и старую кухонную утварь. Потянул за фарфоровую ручку хлебницы, и она осталась в его руке. Рассматривая ее, он ухмыльнулся:

– Какая беда, что вы все еще не можете найти работу!

– О, не забивайте вы свою большую спесивую голову всякой чепухой, – посоветовала она. Трикотажный топик задрался почти до груди, когда она встала на носочки, чтобы поставить пакет с чипсами в шкаф. И он это заметил, потому что на миг потерял нить беседы и не сразу опомнился.

– Мне почти жаль вас, – продолжал он. – На ваших руках собака, которую вы не любите, никто не желает дать вам работу, и вы разорены.

– Зато мое обаяние все еще при мне.

Он оперся плечом о стену и принялся перекидывать фарфоровую ручку с ладони на ладонь.

– По-моему, я упоминал, что у меня есть для вас работа. Вы уже дошли до точки.

Шугар Бет едва не захлебнулась слюной.

– Я считала, что вы меня разыгрываете.

– Совершенно уверен, что в жизни никого не разыгрывал.

– Значит, ошиблась. В условия работы входит позволение лапать меня?

– А вам хотелось бы?

По тому, как опустились его веки, она поняла, что он тоже мастер в такого рода играх.

– О нет, слишком боюсь обморозиться. – Любопытство перевесило желание вести дальше поединок, и она спросила: – Что вы имели в виду?

Он внимательно осмотрел хлебницу и долго привинчивал ручку, пока она ждала, затаив дыхание. Наконец, удовлетворенный результатом, он повернулся к ней:

– Мне нужна домоправительница.

– Домоправительница?!

– Та, кто ведет хозяйство.

– Я знаю значение этого слова. Почему вы предлагаете работу мне?

– Не могу устоять перед соблазном. Драгоценная наследница Френчменз-Брайд вынуждена мести в нем полы и угождать человеку, которого пыталась уничтожить. Братья Гримм в интерпретации Колина Берна. Восхитительно, правда?

– Как только я найду тесак Таллулы, вы труп.

Она рывком открыла ближайший ящик стола. Он неспешно удалился в гостиную, на безопасное расстояние от гипотетического ножа.

– Чисто с практической стороны... чтобы навести порядок во всех комнатах, требуется почти целый день, и это никак не совместимо с моей работой. Слишком много времени отнимает. Шесть дней в неделю, с семи утра до и после ужина. Понимаю, это очень много, и я, естественно, постараюсь делать вам как можно больше пакостей.

– Черт, да где же этот нож?!

– Будете отвечать на телефонные звонки, закупать провиант, готовить простые обеды, хотя, сомневаюсь, что это вам по силам. Оплачивать хозяйственные счета, сортировать корреспонденцию, стирать белье. Я желаю иметь хорошо организованный дом без всяких усилий с моей стороны. Как по-вашему, вы на это способны?

Он не потрудился скрыть злорадно-презрительную ухмылку, и она сказала себе, что не настолько отчаялась.

Слова, слова... Настолько, если не хуже.

Он назвал сумму, которая немного подняла ее дух, и Шугар Бет ринулась в гостиную.

– Согласна. Это в день, так ведь?

Колин даже с противоположного конца комнаты увидел, как озарилось ее лицо, и понял, что должен бы чувствовать себя последним подлецом. Но разумеется, даже глазом не моргнул. Наоборот, с самого ее приезда у него не было такого прекрасного настроения!

– Не будьте дурочкой! Еще чего! В неделю! – чванливо бросил он.

У нее было такое лицо, словно ее душили, и Колин расплылся в улыбке. Мысль предложить ей работу пришла ему в голову при разговоре в здании вокзала. С тех пор у него было достаточно времени все как следует обдумать, но до сегодняшнего дня, когда Колин увидел ее стоящей на обочине, в тесных джинсах, с сотовым, прижатым к уху, и с видом дорогой проститутки, эта идея казалась ему чересчур опасной. Больше неприятностей, чем оно того стоит. Но тут ветер взметнул ее светлые волосы, играя ими, как рекламным флажком. Все зло, которое она причинила людям, казалось, не оставило на ней ни малейшего отпечатка, и тогда он решился.

О нет, он не собирался уничтожить ее как личность и человека. Но вот нанести ответные раны или по крайней мере высечь несколько искренних слезинок раскаяния – дело другое. Даже самый мягкосердечный человек вынужден будет согласиться, что он заслуживает некоторого возмещения за все свои обиды. Протянуть цепь поперек подъездной дорожки – все равно что гоняться за слоном с игрушечным ружьем. А вот это – достойная месть.

Она крепче схватилась за спинку стула, все еще потрясенная оскорбительной суммой, которую он посмел ей предложить.

– Ни одно человеческое существо на свете не может быть таким скупердяем!

Он нагло оглядел ее, не упустив ни малейшей детали.

– Не забывайте, что будете питаться за мой счет и, вне всякого сомнения, пользоваться моим телефоном. Я уже не говорю о мелком воровстве, присущем всем слугам.

Ее голубые глаза метали молнии.

– И чтобы доказать, что я не так уж мелочен, завтра же сниму цепь, – пообещал он и в порыве вдохновения добавил: – Разумеется, униформа за мой счет.

– Униформа?!

О да! Не хватало еще, чтобы она слонялась по дому в облегающих джинсах и коротеньком топики! Да тогда ему будет не до работы! Довольно и того, что вид Шугар Бет, убирающей покупки, стал жестоким испытанием его воли: эти длинные-длинные ноги и кусочек голой спины, показавшейся, когда она тянулась к верхней полке, истощили его самообладание. Вот она, обратная сторона удачи родиться мужчиной. Умом он понимал, что она источает яд, да вот только тело отказывалось повиноваться.

– Но вы же будете домоправительницей, – напомнил он. – Конечно, вам нужна униформа.

– В двадцать первом веке?

– Мы обсудим детали в ваш первый день.

Она стиснула маленькие ровные зубы.

– Ладно, сукин вы сын. Но собачья еда тоже за ваш счет.

– Буду только рад. Ожидаю вас завтра в семь.

Все еще неудовлетворенный, он пошел к выходу. Чего-то он не предусмотрел. Нужно сделать все, чтобы она ясно поняла свое положение, и Колин ломал голову, пока не нашел тот последний гвоздь, который окончательно заколотит крышку гроба.

– Кстати, вам полагается входить через заднюю дверь.

Экономка Колина Берна!

Шугар Бет металась по дому, пока не разозлила Гордона настолько, что он сомкнул челюсти на ее щиколотке и отказывался отпустить, пока не доказал ей всю бессмысленность сопротивления. Шугар Бет наклонилась, чтобы проверить, все ли в порядке с ногой, но пес был слишком умен, чтобы кусать до крови.

– Ничего, жирняк, когда-нибудь ты все-таки оставишь следы на коже, и тогда я тебя вышвырну на все четыре стороны.

Он отошел и принялся лизать брюхо.

Она в гневе потопала наверх, надеясь хорошенько отмокнуть в горячей воде и немного успокоиться. Войдя в ванную, она спустила пожелтевшие жалюзи на единственном окне, сбросила одежду на черно-белые кафельные соты, напустила воды в старомодную ванну на львиных ножках, насыпала туда древнюю соль с запахом ландыша и легла, пытаясь думать о положительных моментах.

Она уже прочесала каждый дюйм вокзала, каретного сарая и студии, и осталось всего одно место. Френчменз-Брайд. Больше Таллуле негде было прятать картину. Но почему она не забрала ее до переезда Берна? Наверное, была уже слишком больна.

Линкольн Эш прибыл в Парриш весной пятьдесят четвертого. До того он ютился в квартирке на Манхэттене без горячей воды и душа и целыми днями торчал с таким же нищим Джексоном Поллоком¹⁶ в баре «Сидар» в Гринич-Виллидж. Уже успевшие добиться признания художники презрительно фыркали при виде работ тех, кого сами же прозвали дриппингами¹⁷, но публика уже тогда заинтересовалась ими, включая бабушку Шугар Бет, считавшую себя покровительницей авангардного искусства. Она согласилась предоставить ему крышу и стол на три месяца, студию для работы и маленькое пособие, что позволило ей бахвалиться направо и налево, выставя себя первой женщиной в Паррише, заимевшей в доме собственного, можно сказать, придворного художника. В то время Гриффину было шестнадцать, и он любил повторять, что научился курить сигары и пить хорошее виски у Линкольна Эша.

Вода дошла почти до бортика ванны, и Шугар Бет закрыла кран ногой. Стоит вспомнить о кладовых и каморках самых странных форм, в изобилии имевшихся во Френчменз-Брайд. А потайной шкафчик на чердаке... Его когда-то заказал дед, «на случай если эти идиоты в Вашингтоне снова решат вернуть „сухой закон“». Знает ли Берна об этом шкафчике? Таллула наверняка знала.

Вряд ли теория Берна о том, что Таллула уничтожила картину, имеет основание. Ее скорее мучила другая, не менее тревожная мысль. Берна купил дом. Вместе со всем содержимым? Этого она не знает. И что, если теперь картина принадлежит ему? Она не разбиралась в праве на собственность и не могла позволить себе нанять адвоката. Если картина найдется, придется тайком вынести ее, ничего не объясняя Берна. Не слишком приятная перспектива. Но она и не станет так рисковать, потому что полученные за картину деньги пойдут на содержание Дилайлы в Брукдейле. А сама она вернется в Хьюстон и найдет работу официантки, пока не добьется лицензии риелтора.

Она долго не могла уснуть, а пробудилась от кошмара и с минуту лежала в темноте, мокрая от пота, с колотящимся сердцем, не в силах отрешиться от сна. Обычно храп Гордона ее раздражал, но теперь хриплые звуки, доносившиеся от изножья кровати, служили утешительным напоминанием о том, что она не одна в мире.

Она снова видела Уинни. Не ту изящную женщину, встреченную на прошлой неделе в магазине, но неловкую, неуверенную в себе девочку, прятавшуюся за волной темных волос и укрывшую то, о чем Шугар Бет мечтала больше всего на свете.

---

¹⁶ Художник, основоположник направления, называемого абстрактным экспрессионизмом.

¹⁷ Имеется в виду особая техника письма, при которой холсты получают словно в брызгах и потеках краски.

«Папочка, знаешь, ты был настоящим подонком».

Она не могла точно припомнить, когда узнала о второй семье отца: обрывки разговоров, случайно оброненные замечания... встречи с отцом в тех местах, где ему никак не следовало быть. Наконец она поняла кое-какие потаенные механизмы его отношений с обеими женщинами своей жизни. Дидди была живой, переменчивой, непостижимой Скарлетт О'Хара, Сабрина – нежной заботливой Мелани Уилкс, но в ее памяти намертво запечатлелось полное равнодушие отца.

– Смотри, как я делаю колесо, папочка!

– Не сейчас, Шугар Бет. У меня дела.

– Пойдешь на мой танцевальный утренник?

– У меня нет времени. Нужно работать, чтобы заплатить за те туфли, которые ты так усердно пачкаешь в грязи.

Она подходила к нему с книгой, прося почитать, только для того, чтобы увидеть, как он встает, прежде чем она сможет забраться ему на колени. Он отходил к телефону как раз в тот момент, когда она приносила рисунок, сделанный специально для него. Она всегда подозревала, что умение обольщать мужчин далось ей так легко, потому что в ее арсенале с самого детства было полно тех детских уловок, которыми она пыталась привлечь внимание отца. И ни одна не сработала.

В третьем классе она обнаружила, что не единственная дочь у отца. И все случилось из-за его недовольства школьными успехами Шугар Бет.

– Получила тройку по арифметике? У тебя куриные мозги, Шугар Бет. Истинная дочь своей матери.

Он не понимал, какой пыткой были для нее уроки. Высиживать за партой целые часы, когда больше всего хотелось смеяться и танцевать, прыгать через веревочку с Линн и играть в Барби с Хейди. Украшать маленькие кексы с Эми и вместе с Мэрилин подпевать «Би Джиз»¹⁸. Однажды, когда отец довел ее до слез очередными сетованиями на тупость и нежелание учиться, она решила, что он не любит ее из-за плохих оценок.

Целых шесть недель она изо всех сил пыталась изменить ситуацию. Она перестала шалить на уроках и старательно делала невыносимо скучные домашние задания. Слушала учителя, вместо того чтобы болтать, больше не рисовала смеющиеся рожицы в тетрадках и в конце концов добилась круглых пятерок.

К тому времени когда одним апрельским днем она принесла домой табель, ее почти тошнило от возбуждения. Дидди ахала и охала над ней, но не ее одобрения добивалась Шугар Бет. Дождаясь отца, она воображала, как он улыбнется, увидев табель, как подкинет ее в воздух и засмеется. «Что за умная у меня дочь! Я так горжусь тобой, моя Шугар Бет! Поцелуй своего папочку, да покрепче!»

От волнения она не могла есть. Уселась на веранде, высматривая его машину. Когда совсем стемнело, а отец так и не появился, Дидди сказала, что все это не имеет значения и ей лучше идти спать.

Но девочка так не считала. В субботу утром, проснувшись и обнаружив, что он уже уехал, она схватила драгоценный табель – магический пропуск в мир отцовской любви – и тайком ушла из дома. Она и сейчас видела, как мчится по двору к своему розовому велосипеду и швыряет табель в корзинку...

Прыгнув в седло, она полетела по Мокингберд-лейн: ноги в кроссовках усердно работают, теплые от солнца заколки для волос в форме приносящих удачу подков греют голову, сердце поет.

«Наконец-то папочка полюбит меня!»

---

¹⁸ Английская поп-группа, состоявшая из трех братьев: Барри, Робина и Мориса Джибб.

Она уже не помнила, откуда знала, как найти дом, где отец иногда оставался с другой леди, и почему посчитала, что сегодня утром он будет именно там. Зато помнила аккуратное кирпичное бунгало, стоявшее в глубине улицы, с опущенными шторами на передних окнах. Шугар Бет оставила велосипед на подъездной дорожке, за отцовским автомобилем, взяла из корзинки табель и взбежала на крыльцо.

И остановилась, услышав доносившийся откуда-то его голос. Повернула к забору, окружавшему тенистый двор, и приблизилась к полуоткрытой калитке, сжимая табель в потных руках, счастливо улыбаясь.

Заглянув в калитку, она увидела отца, сидевшего в большом садовом кресле посреди вымощенного камнями патио. Ворот желтой рубашки был распахнут, обнажая темную поросль блестящих волос, которые ей никогда не позволялось подергать.

Улыбка девочки поблекла. Ей вдруг стало не по себе, будто большие пауки поползли по ногам. Все потому, что он был не один. Девчонка из второго класса, Уинни Дэвис, примостилась у него на коленях, прислонив голову к плечу и болтая ногами, словно каждый день проделывала нечто подобное. Он читал ей книгу, смешно подражая каждому персонажу. Совсем как Дидди, когда читала Шугар Бет.

Пауки уже ползали по всему телу, забрались в живот, залезли в горло, и Шугар Бет снова затошнило так, что, казалось, сейчас вырвет. Уинни рассмеялась, когда отец пропищал что-то, и он чмокнул ее в макушку. Без всяких просьб.

Волшебный табель выскользнул из пальцев. Должно быть, она издала какой-то звук, потому что отец вскинул голову и, увидев ее, снял с колен Уинни и вскочил. Густые черные брови мрачно сошлись на лбу.

– Что ты тут делаешь?! – набросился он на дочь.

Слова застревали в горле. Она не могла рассказать о волшебном табеле и о том, как мечтала, чтобы отец ею гордился.

Он шагнул к ней, коротконогий, широкогрудый, бентамский петушок-задира.

– Что это ты вытворяешь? Немедленно домой! – рявкнул он, наступив на валявшийся на камнях табель. – И не смей никогда больше являться сюда, поняла?

И, схватив ее за руку, потащил к подъездной дорожке. Уинни пошла следом, остановившись у забора. Шугар Бет начала плакать.

– П-почему она сидит у тебя на коленях?

– Потому что она хорошая девочка, вот почему. И не сует нос, куда ее не просят! А теперь садись на велосипед и поезжай домой.

– Папа? – позвала Уинни.

– Все в порядке, тыквочка.

Живот Шугар Бет невыносимо болел, но все же она посмотрела на отца сквозь целый океан слез.

– Почему она так тебя называет?

Не потрудившись даже взглянуть на дочь, он потащил ее прочь от дома.

– Пусть это тебя не беспокоит.

Но девочка, громко всхлипывая, повернулась к Уинни:

– Он... он не твой папа! И не называй его так!

– Довольно, Шугар Бет! – приказал отец, хорошенько ее встряхнув.

– Скажи ей, чтобы больше не звала тебя так!

– Немедленно успокойся, или получишь трепку!

Девочка вырвалась и метнулась прочь, пробежав мимо розового велосипеда, вперед, вперед по тротуару: ноги в кроссовках мелькают, сердце рвется на части.

Он не погнался за ней.

Прошли годы. Иногда Шугар Бет видела в городе отца с Уинни. Для той у него всегда находилось время. И любовь.

Постепенно она начала понимать, почему он любит только одну дочь и равнодушен к другой. Уинни была тихой девочкой, хорошо училась и любила историю так же, как отец. Уинни не закатывала истерик из-за того, что ее не повели в «Деари Куинн»¹⁹. Шеф полиции не тащил ее домой самолично, как несовершеннолетнюю преступницу, пойманную за распитием спиртных напитков. И Уинни никогда не доводила отца до сердечного приступа в выпускном классе в отличие от Шугар Бет, вообразившей, что причина случившейся нехоти задержки – беременность от Райана. Нет, идеальная Уинни подождала, пока отец умрет, чтобы со спокойной душой на самом деле забеременеть от Райана. И самое главное: Уинни не была дочерью Дидди.

Шугар Бет не могла наказать Гриффина за нелюбовь, но вот до Уинни добраться сумела.

Гордон заворочался во сне. Шугар Бет повернулась на бок и попыталась заставить себя заснуть, прежде чем воспоминания поведут ее дальше по темной тропинке. Но разум отказывался подчиниться.

Выпускной класс. Вечер поэзии в лицах, который мистер Берн велел посетить своим ученикам после уроков...

В самом конце сцена погрузилась в темноту, и в лужицу черного света ступили две фигуры, раскрашенные желтой светящейся краской. Стюарт Шерман и Уинни Дэвис. Шугар Бет уже не помнила, какую поэму они инсценировали. Но что-то заставило ее обернуться. В глубине зала под табличкой «Выход» стоял Гриффин. Ее отец, который в октябре прошлого года был слишком занят и не мог подождать пять минут на ступеньках здания суда, чтобы посмотреть, как она проедет через весь город в открытом «мустанге» Джимми Колдуэлла, увенчанная короной королевы бала бывших выпускников. Зато у него нашлось время посмотреть, как вторая дочь декламирует стихи. И тогда она поняла, что нужно делать.

Вместе с Райаном и его приятелями подождала на автостоянке, пока разойдутся остальные, и объявила, что пойдет за щипцами для завивки ресниц, якобы оставленными в раздевалке спортивного зала.

Войдя в зал, она прислушалась. Так и есть, в душе льется вода. Уинни с желтыми светящимися лицом и шеей, раскрашенными руками и ногами была единственной, которой пришлось вымыться, прежде чем идти домой. Шугар Бет действовала быстро и, покидая раздевалку, представляла, как течет по трубам желтая краска, унося за собой незаконную дочь отца.

– Подумать только, – объявила она мальчикам, вернувшимся на автостоянку, – в раздевалке ни души. Вы еще с первого класса угрожаете устроить там оргию. Так вот, это ваш последний шанс перед выпускными экзаменами.

Долгих уговоров не потребовалось. Дик Джаспер, Бобби Джарроу, Вуди Ньюхаус и, конечно, Райан, самая важная фигура в ее плане, решили идти. Вуди и Дик принялись искать бумагу для записок, которые собирались просунуть через вентиляционные отверстия в дверях шкафчиков женской раздевалки, и при этом так шумели, что она шикнула на них:

– Тише вы! Вдруг в школе еще остался кто-то из учителей!

Все произошло так, как было задумано. Когда они вошли, голая Уинни стояла у стены: волосы прилипли к голове, на коже еще блестят капли воды, глаза озадаченно шарят по скамейке в поисках оставленных там одежды и полотенца, которые теперь мирно покоились в шкафчике Шугар Бет. Даже стопка полотенец, которая обычно возвышалась в углу, исчезла, спрятанная за ящиком с гантелями.

Мальчики замерли. От лица Уинни отлила кровь.

– Мать твою... – прошептал Вуди.

---

¹⁹ Сеть американских магазинов, продающих гамбургеры, мороженое, фаст-фуд и т. д. Особенно популярны среди молодежи.

Уинни еще могла рассмеяться, броситься в душевую кабинку, и на этом все бы и кончилось. Но она словно примерзла к месту, парализованная ядом пущенной Шугар Бет стрелы.

Она не была такой высокой, как Шугар Бет: короткие руки и ноги, немного полноватые для узких плеч бедра. Не толстая. Просто достаточно пухленькая, чтобы попа казалась тяжелой. Что-то белое привлекло внимание Шугар Бет, и желудок неприятно сжался. Через влажный кустик волос между бедер Уинни тянулась белая нитка. У нее были месячные.

Уинни смотрела на Райана. На одного Райана. Все мальчики увидели нитку, но для нее был важен Райан. Именно это и предвидела Шугар Бет, но сейчас ей было плохо, так плохо, будто это она стояла там, одна, перед всеми, голая и униженная.

Уинни тихо, жалобно закричала, продолжая стоять перед ними с опущенными руками. Нить ярко выделялась на темном фоне.

Дверь в душевую распахнулась, и вошел мистер Берн.

– Что здесь про...

Увидев Уинни, он тихо выругался. Руки взметнулись к пуговицам старенькой черной рубашки. Уже через несколько секунд Уинни была почти одета. Только потом он яростно обернулся к остальным:

– Немедленно убирайтесь! Подождете меня в вестибюле!

Выражение этих зеленых глаз испугало Шугар Бет. Он знал, что все произошло не случайно, и знал также, кто в этом виноват.

Она выскочила из раздевалки, из здания, чувствуя себя последней негодяйкой. Живот сжимали спазмы, словно это у нее были месячные.

– Не убегай, Шугар Бет! Только хуже будет! – окликнул Райан. Но она уже мчалась к машине. Где же ключи?

Шугар Бет упала на колени, открыла сумочку обеими руками и стала рыться в куче использованных салфеток, косметики, ручек. На самом дне лежал выскользнувший из обертки тампон. Она закусила губу и краем глаза заметила приближавшегося мистера Берна. Он по-прежнему был без рубашки. Длинные волосы развевались на ветру.

– Немедленно вернись.

– Пойдем, Шугар Бет, – прошептал Райан, умоляюще глядя на нее. – Делай, как он говорит.

Она продолжала копаться в сумочке, пытаясь сообразить, как вывернуться. Лучше всего солгать. Сказать, что она ничего не знала об Уинни. Директор школы – друг Дидди. Что ей за это может быть?

Постепенно сердце забилося медленнее. Ей нечего волноваться. Подумаешь, важное дело!

Она схватила сумочку, кое-как запихнула обратно выпавшую дребедень и встала.

– Из-за чего столько шума? Все это чистая случайность, мистер Берн. Мы понятия не имели, что она там.

– Все ты знала.

Господи, как она ненавидела его! В первый день занятий она посчитала его забавным чудачком, но при этом таким изысканным и утонченным, что даже Райан казался рядом с ним незрелым юнцом. Но когда она подошла после занятий с намерением немного пофлиртовать, он повел себя как грубый хам.

Дик, Бобби и Вуди ждали в спортивном зале. Райан не донесет на нее, а из Дика и Бобби лишнего слова не вытянуть, но Вуди смертельно боялся отца, поэтому она послала в его сторону угрожающий взгляд, призывая держать большой болтливый рот на замке, иначе ему устроят такое, что никакому папаше в голову не придет.

– Итак, может, кто-то решится объяснить?

У Берна была костлявая грудь, и, стоя среди них без рубашки, он выглядел глупо, но, похоже, это его не волновало.

Шугар Бет твердила себе, что не сделала ничего ужасного. Уинни следовало бы убежать в кабинку. Господи, какая тупица! Могла бы и посмеяться вместе со всеми! Сама она именно так и сделала бы.

Интересно, расскажет ли Уинни Гриффину? Тот никогда в жизни не упоминал при ней имя второй дочери.

– Мы не знали, что она там, – выдавил Дик. – Думали, что раздевалка пуста.

У Берна был маленький прыщик на подбородке. Шугар Бет смотрела только на него. Почему-то становилось легче при мысли о том, что у него тоже бывают прыщи.

– Это правда? – спросил он.

– Да, сэр, – дружно кивнули мальчики.

Берн медленно переводил взгляд с одного лица на другое, выискивая слабое звено и обнаружив его, когда дошел до Вуди.

– Никто не знал?

Вуди сглотнул и беспомощно уставился на Шугар Бет.

– Н-никто, сэр.

– В таком случае что случилось с ее одеждой?

На это у них не нашлось ответа.

– Шугар Бет, пойдем со мной. Остальные могут проваливать.

Мальчишки тут же убежали, все, кроме Райана, продолжавшего стоять рядом с Шугар Бет.

– Ты тоже, Галантайн.

– Если вам все равно, сэр, я лучше останусь с Шугар Бет.

– Мне не все равно. Я хочу поговорить с ней наедине.

Райан упрямо набычился, очевидно, не собираясь двинуться с места. Но ему приходилось думать о стипендии, и Шугар Бет побоялась, что Берн может попытаться напасть. Кроме того, не стоит, чтобы Берн вообразил, будто она нуждается в защите своего приятеля.

– Валайте, говорите! – выпалила она.

Дверь раздевалки открылась, и оттуда вышла Уинни в своем спортивном костюме, с рубашкой Берна в руках. Волосы свисали мокрыми сосульками. Вода капала на футболку с изображением бульдожьей морды. Она по-прежнему смотрела на Райана, и в лице было столько муки, что Шугар Бет захотелось встряхнуть ее за плечи. Неужели у девчонки нет ни капли гордости?!

– Мы не хотели ничего дурного, – выдохнул Райан.

Уинни нагнула голову и направилась к выходу, словно забыв, что все еще держит рубашку Берна.

Райан повернулся к Шугар Бет с таким встревоженным видом, что ей стало стыдно. Она не хотела, чтобы он присутствовал при этом. Чтобы узнал все. И поэтому поднялась на цыпочки и поцеловала его в щеку.

– Позвони, когда придешь домой.

Райану совсем не хотелось покидать ее, но он все-таки угрюмо побрел к автостоянке.

Берн открыл дверь раздевалки:

– Сюда.

Она вдруг поняла, что немного боится его, и возненавидела за это еще больше.

– Открой свой шкафчик, – велел он, как только они очутились в раздевалке.

Черт! Этого она не предусмотрела.

– Мой шкафчик?

Он спокойно выжидал. Она попыталась пойти в контратаку.

– Знаете ли, вам вообще не полагается здесь быть. Это женская раздевалка.

– Открой эту проклятую штуку, или я позову сторожа и прикажу взломать замок.

Может, показать ему шкафчик Эми или Линн? Но он сразу же все поймет.

Ну и хрен с ним! Если ему взбрело в голову раздуть из всего этого скандал, что ж, его проблема.

Она медленно направилась к третьему ряду шкафчиков и непослушными пальцами набрала комбинацию, то и дело промахиваясь. Только после третьей попытки замок щелкнул. Шугар Бет, так и не взявшись за ручку дверцы, поспешно отступила. Тогда он сам протянул руку, слегка задев ее плечо, и рывком распахнул дверцу.

На самом верху смятой кучкой лежала одежда Уинни.

Он долго молчал. Просто смотрел на нее, заставляя корчиться от ужасного ощущения пронизывающего взгляда, проникавшего, казалось, под самую кожу.

– Именно таким образом добродетели ты хочешь стать?

Она чувствовала себя маленькой и уродливой. И поэтому прикусила язык, чтобы не признаться ему, как сильно отец любил Уинни, а не ее, как она старалась стать самой красивой, милой, особенной, чтобы заставить его заметить все это, как любая ее попытка была заранее обречена на поражение.

– Пожалуйста, сообщи матери, что сегодня вечером я заеду поговорить с ней.

Облегчение окатило Шугар Бет. Дидди измочалит его в ключья!

Ей хотелось засмеяться ему в лицо, но в душе, похоже, не осталось смеха.

К тому времени, как он приехал во Френчменз-Брайд, Шугар Бет уже успела подготовить мать. Нет, она не обвинила его в домогательствах – это пришло ей в голову только через несколько недель, – просто пожаловалась на него Дидди. Как он высмеивает ее на уроках, позорит перед друзьями. И как его отношение выводит ее из равновесия настолько, что сегодня она не выдержала и сделала ужасную глупость. Поиздевалась над Уинни Дэвис.

Дидди и без этого вовсе не была расположена сочувствовать незаконной дочери мужа и встретила Колина Берна с улыбкой, едва прикрывающей стальную учтивость, совершенно, казалось бы, нехарактерную для нежной красавицы блондинки.

– Не вижу необходимости поднимать столько шума из-за глупой выходки. Уверена, что Шугар Бет не хотела ничего дурного.

Поскольку Берна не был южанином, то и не подозревал, какой властью может обладать эта хрупкая женщина. И в отличие от окружающих не ступал перед Дидди.

– А вот я уверен, что она намеренно унизила Уинни Дэвис. Мало того, систематически преследовала ее весь год.

Его прямога донельзя раздражала Дидди, не говоря уже об этих длинных волосах, дурацкой моде, которую она совершенно не одобряла.

– Вы их наставник. И должны понять, что первопричина этой сложной ситуации кроется не в Шугар Бет, а в прискорбно богемном образе жизни моего мужа. Моя дочь точно такая же жертва его распушенности, как та... другая девочка.

– Но то, что случилось сегодня, – непростительная жестокость.

– Жестокость? – В нежном голосе Дидди зазвенели льдинки. – Должно быть, у вас был тяжелый день сегодня, мистер Берна. Только усталостью можно объяснить столь непрофессиональное высказывание учителя об одной из самых блестящих молодых особ, когда-либо учившихся в парришской средней школе.

– Возможно, все дело в культурном барьере, миссис Кэри, но в Англии блестящие молодые особы не подвергают унижению беззащитных девочек.

– Я провожу вас.

В конце концов все обошлось, и Шугар Бет получила не более чем мягкий выговор от директора, человека, обязанного своей должностью влиянию матери. А Уинни тем временем отрастила волосы еще длиннее и окончательно скрыла лицо за их ненадежным покрывалом.

Гордон поднял голову и прислушался. Шугар Бет встала и пошла в ванную за стаканом воды. Что же, с Уинни все обошлось. Она неплохо устроилась в жизни. Лучшая часть натуры Шугар Бет, та самая, которая считала необходимым восхищаться человеком, преодолевшим немало трудностей в жизни и победившим, пыталась радоваться за нее. Но слишком мрачны и могучи были старые призраки, и она ничего не могла с этим поделать. Еще один пункт к длинному списку грехов, за которые предстояло нести покаяние.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.